

Зона Смерти

Вячеслав Шалыгин

Жесть

«ЭКСМО»

2011

Шалыгин В. В.

Жесть / В. В. Шалыгин — «Эксмо», 2011 — (Зона Смерти)

ISBN 978-5-699-48489-8

Те, кто думает, что для сталкеров нет ничего святого, ошибаются! По крайней мере, так считает журналист Иван Копейкин, большой знаток Зоны Смерти и ее обитателей. Правда, сами сталкеры над такими вещами не задумываются, зато не прочь вырваться за пределы Пятиземелья. Для этого есть лишь одно средство – «таблетка Шульца», – но добыть его не так-то просто. Это гениальное изобретение еще больше всколыхнуло и без того беспокойную вселенную Зоны. Враждующие группировки сталкеров, Барьерная армия и самое жуткое порождение этого безумного мира Технос сошлись в жесточайшем противостоянии. Удастся ли сталкеру Лешему, его подруге Лере и самому Копейкину выйти из всеобщей драки живыми? Прорвутся ли они за Барьер? Освободит ли их на самом деле изобретение профессора Шульца, или... убьет?!

ISBN 978-5-699-48489-8

© Шалыгин В. В., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Пролог	5
1. Зона, локация ЧАЭС, 31.03.2058 г.	23
2. Зона, локация Москва, 01.04.2058 г.	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Вячеслав Шалыгин

Жесть

Пролог

Мартовское солнце светит, но не греет, особенно, когда его скрывает двухслойная завеса из тяжелых туч и сплошной пелены дыма, пыли и саж. Солнца за такой завесой почти не видно, можно разглядеть лишь размытое пятно света. Да и то, в случае если тебе нечего делать и ты внимательно пялишься в небо.

Серия мощных взрывов вспахала землю буквально в десяти метрах от бруствера, и на позиции чистильщиков опять опустилась искусственная ночь. Взметнувшиеся в воздух тонны грязи задержали небо непроницаемой для света черной шторой. Теперь смотри хоть в небо, хоть в землю, результат будет один и тот же: не увидишь ни черта.

Рядовой Найденов в который раз распластался в грязи на дне окопа. Лечь, встать, выстрелить и снова лечь. Этот комплекс упражнений Сергей Найденов выполнял вот уже сутки практически без перерыва. Если бы не армейские таблетки «сухпай» и фляжка с энергетическим напитком, боец давно упал бы без сил.

Окружившие позиции чистильщиков биомехи не шли в атаку, а тупо долбили из тяжелых орудий, пытаясь закопать людей живьем. Пока эта тактика не принесла железному воинству полного успеха, но момент истины уже маячил на горизонте. Рано или поздно в строю чистильщиков не останется ни одного боеспособного воина, и тогда биомехи добьются своего.

Сергей кое-как протер лицевой щиток боевого шлема, хотя особой пользы от протирки щитка не предвидел. Рассмотреть хотя бы контуры машин противника, если они пойдут все-таки в атаку, он не мог при всем желании. И никакие умные детекторы или системы наведения не могли в этом помочь.

Несколько часов назад рядовой просто дал бы профилактическую очередь из «Шторма», но теперь приходилось экономить патроны. Ведь неизвестно, сколько еще придется просидеть в окружении.

Застраившей на юго-восточной окраине Припяти отдельной группе лейтенанта Сухова, а если проще – роте черновыльских чистильщиков, почему-то никто не спешил помогать. Понятно, что пробиться на выручку по земле не так-то просто, но хотя бы вертушки могли прилететь. Ничто им особо не мешало.

За все время, что чистильщики просидели в траншеях, противник лишь однажды поднимал свою авиацию, да и то, можно сказать, условно, чтобы обозначить: драконы не дремлют. Несколько уродливых механических монстров прошли штурмовым порядком на малой высоте, прострочили землю из автоматических пушек и убрались восвояси.

Так что небо над Припятью оставалось относительно свободным. Но вертушки почему-то не летели. Может, начальство просто махнуло на роту рукой? Ведь целые сутки под огнем – это гарантированный конец всему и всем.

Верить в такой вариант не хотелось, но иного объяснения поведению штаба Сергей не находил. Он и сам на месте высоких чинов не поверил бы, что от роты уцелело хотя бы отделение.

Раз в пять минут позиции накрывал трехминутный свинцово-огненный шквал, затем, когда оседала черным липким дождем взметнувшаяся в воздух земля, по брустверам давали несколько залпов лучевые орудия, а затем снова лупили тяжелые пушки. Раз в полчаса наступала минутная пауза. За минуту передышки, конечно, много не сделаешь, эвакуировать бой-

цов на вертушках трудно, но хотя бы попытаться-то можно! Но опять же, когда ты уверен, что найдется, кого эвакуировать.

За спиной послышался грохот, и боец резко обернулся. Из клубящейся дымной черноты над задним бруствером вывалился чистильщик в тяжелом боевом костюме. Он буквально рухнул в траншею, едва не придавив Сергея.

Найденков помог товарищу усестся к стенке окопа и протер стекло его шлема. Как оказалось, в гости к Найденкову наведалься сам лейтенант Сухов.

– Связи нет, чугунки глушат, – сообщил офицер.

Найденков кивнул. Связь пропала еще вечером, так что новость давно устарела, но раз офицер решил довести информацию до бойца, значит, так надо. Командир знает, что делает. И рядовой всегда знает, что делать. Увидел начальство – рапортуй.

– Господин лейтенант, докладывает рядовой Найденков...

– Отставить, – Сухов устало махнул рукой. – Сам все вижу. Отвоевались, Найденков. От роты восемь человек осталось. А коробка нам на помощь еще даже не выдвинулась. Стоит на уровне Корогода, движки греет, но вперед ни метра пройти не может. На том направлении будто бы смотр у чугунков. Бронезавры, носороги, рапторы, боты... чего только нет, причем много. И вертушки не прилетят, какая-то атмосферная аномалия мешает.

– Разрешите спросить, это вам кто сообщил? Связи ведь нет.

– Пробились сюда несколько машин из специального отряда, с севера зашли. Так что подъем, Найденков, и ползком строго на север. До гаражей доползешь, вставай – и бегом в сторону отстойника.

– Есть.

– За левым флангом следи. Я прикрою. Марш!

Сергей выбрался из траншеи, перевалился через бруствер и пополз строго на север, как и приказал лейтенант.

Метров сорок боец преодолел легко, грязь под животом оказалась неглубокой, да еще помогал небольшой уклон, но на дне ложбины Найденкову пришлось остановиться. Несколько воронок и трещин в земле мешали дальнейшему продвижению по-пластунски.

Сергей приподнялся на локтях и повертел головой. Биомехов поблизости он не увидел, это обнадеживало. Вместе с тем боец отлично понимал, что засечь противника и получить от него пулю – это разные, никак не связанные между собой вещи. Пока что бойца прикрывал гребень слева от ложбины, но Найденков отлично понимал, что стоит ему подняться на ноги, прикрытие исчезнет.

«А что делать? – Сергей окинул взглядом изрытую ямами и глубокими провалами ложбину. – По-другому эти канавы не форсируешь. Только прыгать».

Найденков взглянул на проекцию часов. Минута передышки закончилась, но биомехи почему-то не возобновили артобстрел. Что это могло означать, боец не знал, да и не собирался этим загрузаться. Может быть, чугунки решили, что все чистильщики уничтожены? Или им просто надоело перепаживать землю? Могло быть и так и этак. Для Найденкова имел значение лишь сам факт – обстрел не возобновился. И этим следовало воспользоваться.

Сергей поднялся на ноги и взял короткий разбег. Первую канаву он перепрыгнул без проблем. В тот момент, когда позади осталась вторая траншея, вокруг засвистели пули. Боец тут же бросился на землю, но не плашмя, а встал на четвереньки и продолжил движение к развалинам старых гаражей.

Так он преодолел еще два десятка метров, но затем был вынужден снова рискнуть и подняться в полный рост. И тут началось самое интересное.

Слева в ложбину скатились несколько биомехов новой модификации. В походном варианте эти машины выглядели, как крупные металлические шары, но когда они выкатились на позицию, произошла трансформация. Шары раскрылись, почти вывернулись наизнанку и пре-

вратились в приземистых ботов модификации «краб». И каждый имел по четыре курсовых пушки. Наперерез Сергею выкатились восемь машин, а значит, один дружный залп мог легко перечеркнуть все надежды чистильщика на спасение.

Найденков, не раздумывая, вскинул «Шторм» и открыл беглый огонь по противнику. Ну и пусть у противника численное превосходство! Кто кого, зависело на самом деле только от случая. Но любому случаю надо помогать выпасть из колоды вероятностей. Просто стоять и ждать развязки – верная гибель. Руководствуясь этими принципами, рядовой и принял бой. А что еще он мог поделать? Бежать? Так ведь некуда.

Сергей успешно продырявил две машины, перенес огонь на третью, частично ее повредил, но на этом был вынужден остановиться. Боты открыли ответный огонь, и пули их импульсных пушек едва не перерубили Найденкова пополам. Он едва успел рухнуть на землю и отползти под прикрытие вывороченного из земли обломка какой-то бетонной конструкции. Сергея осыпало серым крошечным, несколько пуль просвистели буквально в сантиметре от головы, но на какое-то время чистильщик все же оказался в безопасности. Эта пауза позволила ему перезарядить импульсник и еще раз сменить позицию.

В поле главное – маневр, иначе все та же верная гибель. Эту истину рядовой зазубрил еще в первые дни службы, а к исходу третьего года она въелась в подкорку и превратилась в рефлекс. Упал – откатись, присел – сместись хотя бы на полметра в сторону, поднялся – сразу сделай зигзаг. Биомехи, конечно, машины, сбить их с толку чрезвычайно трудно, однако Сергей до сих пор оставался жив, значит, не напрасно выполнял эту нехитрую инструкцию.

Потеряв из вида цель, боты не успокоились, а только сменили оружие. В дополнение к пушкам из их приземистых корпусов выдвинулись пусковые установки энергоснарядов. Выглядели они, как этикетки трехпалые клешни, между металлическими «пальцами» которых формировались синеватые сгустки искусственных шаровых молний. Насколько знал Сергей, в автономном режиме «крабы» могли запустить не больше десятка «шаровух» каждый, слишком много на это тратилось энергии, но чтобы уничтожить таким «минометным» огнем всего-то одного солдата, ботам могло хватить и трех-пяти снарядов.

Три «шаровухи» взорвались почти одновременно, каждая в трех шагах от Сергея, слева, справа и впереди. Громкие хлопки взрывов оглушили бойца, а запах гари и озона пробился даже сквозь фильтры защитной маски. И еще Найденков почувствовал, как тяжелеет броня.

Видимо, молнии повлияли на работу компьютера и заставили систему питания сервоприводов боевого костюма дать сбой. Но полностью броня не обесточилась, значит, сработала защита, и через пару секунд нормальная работа электроники должна восстановиться. Вот только этих двух секунд ботам вполне могло хватить для окончательного решения вопроса. Обездвиженный боец становился для биомехов отличной мишенью.

Сергей с трудом поднял «Шторм» и прицелился в ближайшего «краба». Очередь импульсника перерубила боту переднюю пару конечностей, в результате биомех клонул пушками землю, но это не помешало ему запустить в ответ «шаровуху». Понятное дело, что энергетический снаряд не попал в цель, врезался в грязь, не долетев до позиции чистильщика метра три, но неприятностей Сергей не избежал.

Высоченная волна липкой грязи накрыла его с головой и еще на пару секунд сделала чистильщика слепым. Пока Найденков поднимал тяжеленную руку, пока протирал стеклянное забрало шлема, он не мог видеть противника.

Визор вновь сделался прозрачным одновременно с перезагрузкой компа боевого костюма. Сергей снова перестал чувствовать тяжесть брони и оружия, сумел рассмотреть приближающихся биомехов, даже успел выстрелить, но потерянные секунды свели все эти успехи на нет. Боты подошли слишком близко. Они снова взяли бойца на прицел и...

Собственно, и все. На этом можно было бы закончить рассказ о последних минутах жизни рядового чистильщика Сергея Найденкова. Никакая броня не способна противостоять

залпу двадцати импульсных пушек, а для маневра у бойца не оставалось ни времени, ни пространства.

Время для Сергея притормозило, растянулось и потекло медленно, лениво, как расплавленный металл. Даже когда ситуация неожиданно изменилась к лучшему, Найденов по-прежнему видел происходящее через призму измененного восприятия.

Железные «крабы» вдруг начали взрываться и разваливаться на мелкие запчасти. Сергей отлично видел, как по корпусам машин ползут трещины, как вспучивается их броня, как раскалывается она вдребезги, словно сделанная не из металла, а из стекла, и как неторопливые фонтаны осколков разлетаются во все стороны. Единственное, чего не видел Найденов, так это пламени. «Крабы» будто бы не взрывались, а лопались, как перекачанные шарiki.

В чем подвох, Сергей сообразил, только когда несколько осколков звякнули по броне боевого костюма чистильщика. От удара о покрытую активным пластиком броню осколки раздробились и вовсе в металлическую пыль. Что может мгновенно превратить металл в подобие стекла, Сергей знал точно. В Зоне Смерти существовало только одно вещество, способное устроить такой фокус, – «фрич», зеленоватая аномальная субстанция, целые озера которой можно обнаружить в Новосибирске и в Москве, а иногда и в Сосновом Бору.

«Фрич» никак не реагировал на органику и нейтральные вещества вроде стекла, пластика или керамики, но мгновенно замораживал до космических температур любой металл. И этим с удовольствием пользовались люди. Кто-то носил кусок зеленоватого желе в кармане, используя в ближнем бою с биомеханическими тварями в качестве «кастета». Кто-то начинал «фричем» несерьезные с виду, но вполне эффективные в бою с биомехами керамические гранаты. А кое-кто умудрялся фаршировать зеленым студнем пластиковые пули для порохового оружия. Но чаще все-таки этим аномальным веществом военные оружейники снаряжали реактивные мины, НУРСы и боеприпасы для подствольников.

Сергей поднял взгляд. Все верно. Со стороны гаражей шли несколько человек с поднятыми к плечу импульсниками. Подствольные гранатометы передней линии бойцов были разряжены.

Найденов опустил «Шторм» и шумно выдохнул. Он пока не понял, кто эти люди, на их униформе он не увидел ни знаков различия, ни шевронов какой-то из группировок, но сейчас Сергея волновало лишь одно – лишь бы не чугунки. Приближались не чугунки, то есть не биомехи, а значит, имелся шанс договориться.

Боец встал в полный рост, закинул импульсник на плечо и устало махнул рукой.

Один из незнакомцев практически сразу махнул в ответ. Но, не приветствуя чистильщика, а приказывая ему лечь. Сергей обернулся и понял, что слишком рано обрадовался.

С тыла заходили еще несколько биомехов, причем это были не боты, а механические твари гораздо большего размера. В сопровождении нескольких рапторов – биомехов, которые «в прошлой жизни» были легковушками, – на бруствер бывших позиций чистильщиков въезжали три огромных бронезавра. Во всех трех угадывались родственные черты с танками Т-017 «Истра», которыми эти биомехи наверняка и были до того, как их перекроил на свой лад загадочный Узел, главная кузница кадров техноса – совокупности всей населяющей Зону Смерти разумной механической нежити.

Сергей бросился на землю не сразу, промедлив какую-то секунду, и это едва не стоило ему головы. Из-за гаражей, руша все на своем пути, выехал здоровенный агрегат незнакомой Найденову конструкции, который с ходу открыл по бронезаврам шквальный огонь из дюжины тяжелых лучевых пушек. Шквал строго горизонтального лазерного огня пронесся в полутора метрах от земли и ударил в строй машин. Рапторов буквально смело с поля боя. Бронезавры выстояли, но загорелись и медленно поползли назад.

Воспользовавшись моментом, Сергей взял низкий старт и помчался навстречу незнакомым бойцам. Оказавшись в мертвой зоне, чистильщик сбавил ход, но все равно едва не врезался в лидера незнакомцев.

– Стоять, гнедой, – человек в полувоенной униформе ухватил Сергея за плечо. – Куда разогнался?

– А? – Сергей помотал головой. – Виноват, плохо вас слышу, сутки под обстрелом, уши заложило. Спасибо!

– Дома поблагодаришь, иди туда, – незнакомец кивком указал на пространство позади странной машины, показавшей бронезаврам «кузькину мать», и подкрепил приказ взмахом руки. – Туда шагай! Триста пятый, проводи человека!

За гаражами виднелись башни еще трех машин. Ими оказались более привычные для чистильщика БТРы. Сергей взял «Шторм» на ремень и бодро пошагал в указанном направлении, но успел сделать только два шага. На третьем земля вдруг качнулась, ушла из-под ног, и Найденов, потеряв сознание, рухнул ничком...

...Сергей пришел в себя почти так же резко, как отключился. С той лишь разницей, что вырубился Найденов сразу по всем параметрам, а вот включаться получалось только по частям. Сначала нормализовался слух. В ушах по-прежнему «шумел прибой», а в целом в голове стоял трансформаторный гул, но голоса стоящих поблизости людей Сергей слышал отчетливо. Вот только он плохо понимал, о чем они толкуют. А между тем разговаривали они, скорее всего, как раз о Найденове.

– Зачем прикладом-то, триста пятый? Парень и так сутки под обстрелом проторчал, небось, весь ливер колом стоит, так ты ему еще и сотрясение мозга устроил.

– Виноват, господин инструктор!

– Балбес ты, триста пятый. Маховики накачал, а в голову ни капли серого вещества не добавилось. Господин Шульц, надо этим гоблинам еще и для ума таблетку дать.

– Я даю, новейшая разработка на базе глицина...

– Это шутка была, – пробурчал инструктор, прерывая неведомого доктора. – Чего стоишь, триста пятый? Тащи теперь парня к санитарному борту. Сам натворил, сам и работай.

– Выживет? – спросил кто-то еще.

– Просто контузия и пара царапин, господин полковник, – ответил инструктор. – Не извольте волноваться. Эй, на «тройке», грузите этого вместе с остальными. Сколько там получилось?

– Из чистильщиков этот седьмой, – донеслось издалека. – Плюс трое вольных.

– Десять – это хорошо, – сказал доктор, – ровная цифра, достаточно на сегодня.

– Где-то еще лейтенант оставался, – сказал полковник, – этого бойца прикрывал.

– Не будем жадничать, – ответил доктор. – Детекторы никого не определяют. Закопали биомехи вашего лейтенанта, полковник. Отходим.

– Сначала договоримся, доктор Шульц. Первое условие – все должно остаться в строгом секрете.

– Из команды «сто один» выдачи нет, – доктор усмехнулся. – А если никто не вернется, то и некому будет рассекретить нашу операцию.

– Вашу операцию, доктор.

– Нашу, полковник, нашу. Ведь эти семь бойцов ваши люди, значит, ваш вклад в дело трудно переоценить. И недооценить тоже. Подписывайте рапорт, не тяните.

– Хорошо, доктор, я подпишу. Переводите аванс.

– Он уже на вашем счету, проверьте.

– Хорошо, доктор Шульц. Подписываю. Эти семеро теперь числятся пропавшими без вести. Можете увозить.

Сергей почувствовал, как его поднимают, куда-то несут, загружают небрежно, словно посылочный ящик, в какое-то замкнутое пространство и захлопывают за ним дверь. Вернее – люк. За мгновение до погрузки на борт машины у Сергея прояснилось в глазах, и он успел заметить, что запихнули его на носилках в десантный отсек БТР-12. Эта боевая машина всего-то год назад поступила на вооружение Изоляционных сил, и чистильщики пока редко видели ее в деле. Лично Найденов до сего дня только дважды катался на таком аппарате, да и то на броне. Теперь ему выпал шанс попасть внутрь.

В десантном отсеке царил полнейшая темнота. Не горела даже положенная по всем правилам дежурная лампочка. Чтобы хоть как-то исправить это недоразумение, Найденов попытался включить режим ночного видения.

Вживленный в мозг микроскопический компьютер выполнил команду мгновенно. Ночь тотчас превратилась в зеленоватые сумерки. Инфракрасную подсветку обеспечивал источник, вмонтированный в заляпанный грязью боевой костюм, поэтому картинка получилась не очень хорошей, но Сергей увидел все, что нужно.

Инструктор не зря назвал этот борт «тройкой». Так на языке чистильщиков назывались машины, приспособленные для перевозки раненых. «Санитарки», проще говоря. Салон десантного отсека бронетранспортера был трансформирован в так называемую «третью позицию»: почти все сиденья сложены, а на специальных креплениях установлены санитарные носилки. В пять ярусов у каждого борта.

Сергей лежал на верхней полке у левого борта. По правому он насчитал те же штатные пять этажей носилок, и на каждом ярусе лежал человек. У дверей сохранилось одно посадочное место, которое занимал боец в униформе чистильщика, но без погон. На плече у бойца висела санитарная сумка, на поясе – кобура с импульсным пистолетом «Страйк». Явно санинструктор-бионик.

Что ж, выглядело все прилично. Санитарная машина везет раненых в тыл, в госпиталь. Одно беспокоило Сергея: обстоятельства, при которых он здесь очутился. Сознание окончательно прояснилось, и Найденов больше не сомневался, что прикладом по голове некий «балбес» под номером «триста пять» врезал именно ему, Сергею.

Но зачем? Чтобы чуть позже неизвестный полковник списал солдата, как «груз двести», то есть как погибшего. Зачем? Чтобы продать мертвую формально «душу» загадочному доктору Шульцу?

Очень все это выглядело подозрительно и тревожно.

Найденов знал, что всевозможные подлые делишки проворачиваются в Зоне Смерти каждые пять минут. Знал, что продажа тяжелораненых или безнадежных больных, пораженных механической заразой, дело обычное. Однако Сергей никак не рассчитывал оказаться в роли подобного «товара».

К тому же, если не считать сотрясения, которое устроил бойцу «триста пятый», и легкой контузии в результате артобстрела, Найденов не имел особых ранений или повреждений. Идея списать его, как безнадежного, и продать для опытов какому-то Шульцу казалась странной, да и лишенной здравого смысла. Впрочем, искать смысл тоже не имело смысла, извините за тавтологию, думать Найденову следовало о более конкретных вещах. Следовало понять, кто враги и как их победить.

«Шульц! – Сергея вдруг обожгло. – Немец! Из Ковчега! Все, мне конец. Из лабораторий герра Хистера еще никто не возвращался. Но это не главный враг. Главный – свой, тот, что предал. Но почему нас предали?! Зачем? Ради денег? Впрочем, какая разница? Кто враги, понятно, теперь надо придумать, как сделать от них ноги. Хотя и тут все понятно. Один санинструктор – это не проблема, в ухо ему и ходу!»

Найденов быстро прокрутил в голове нехитрый план спасения и попытался резко сесть, чтобы затем спрыгнуть прямоком на голову бионику... но не сумел даже дернуться. Нет, Сер-

гея не привязали к носилкам, похитители поступили проще. Они тупо вынули из блока питания брони аккумулятор, на жаргоне – «сердце зверя», и зафиксировали защелки на сочленениях бронепластин скафандра в положении «для смазки и ухода».

Теперь доспехи, так славно работавшие на благо чистильщика в поле под артобстрелом, работали против бойца. Общий вес тяжелого боевого скафандра превышал семьдесят кило, но худшее заключалось в том, что конечности не сгибались в основных сочленениях. То есть, в костюме с заклиненными соединениями щитков в коленях, на поясе, на плечах и в локтях Сергей лежал, как перевернутая черепаха, не в силах ни встать, ни перевернуться, ни хотя бы сесть.

Найденнов, как бы в поисках помощи, повернул голову и присмотрелся к человеку, лежащему на верхних носилках у правого борта. Этот парень был одет в легкий защитный костюм, но его тоже не пристегнули. Видимо, за глубину его «отключки» похитители не беспокоились.

Ниже лежали трое чистильщиков. Сергей не сумел рассмотреть их лиц, но по некоторым деталям экипировки вычислил всех троих. Эти ребята тоже были из роты Сухова. И, похоже, они тоже находились в сознании, но не могли пошевелиться, поскольку их скафандры также были заблокированы.

Сергей попытался установить связь с ребятами на боевом канале, но выйти в эфир не сумел. Его м-фон, вживленный наряду с главным управляющим компьютером, отказывался устанавливать связь в принципе. Складывалось впечатление, что он просто вырубился или вовсе исчез из организма, словно его и не было.

Найденнов отлично понимал, что это невозможно, вживленные импланты сами по себе из организма не исчезают, но эфирная пустота и появившееся в этой связи ощущение оторванности от мира его немного испугали. Невозможно-то невозможно, а вдруг? Мысль в первую секунду показалась дикой, но почему-то очень скоро заняла все сознание Сергея.

Почему это произошло, Найденнов понял, когда вновь перевел взгляд на человека без брони, лежащего на верхних носилках у правого борта.

С этим вольным ходком явно что-то происходило. Он не пытался встать не потому, что лежал в глубоком нокауте. Нет, парень явно пребывал в сознании, он что-то нашептывал и смотрел в потолок широко открытыми глазами. Найденнов ни разу не видел, как люди молятся, но сейчас решил, что человек читает молитву, настолько несчастным казался его взгляд, и одновременно настолько серьезная мина приклеилась к его лицу.

Сергей хотел было позвать его, но опоздал ровно на секунду. Лицо человека вдруг исказила страдальческая гримаса, он резко выгнулся, поднимаясь на борцовский мостик, затем вновь упал на носилки и забился в судорогах. Трясло несчастного так, что ходуном заходила не только пирамида из пяти носилок по правому борту, но и, казалось, затрясся весь тяжеленный бронетранспортер.

Боец-бионик тотчас вскочил со своего места и бросился к припадочному. Медик ловко пристегнул несчастного к носилкам прочными ремнями, вынул у себя из нагрудного кармашка шприц, сорвал зубами колпачок и воткнул иглу пациенту в шею. Припадочный вновь выгнулся, заскрежетал зубами, утробно зарычал, но вскоре обмяк и затих. Боец нащупал у пациента на шее пульс, удовлетворенно кивнул, похлопал припадочного по плечу и вернулся на свое место.

Сергей проводил взглядом медика и снова посмотрел на соседа по ярусу. Припадочный обмяк настолько, что теперь выглядел не человеком, а грудой тряпья. Одно отличие: среди бесформенной ткани поблескивали открытые участки кожи. Влажные, покрытые крупными каплями серебристого пота...

Найденнов поймал себя на этой метафоре и обмер. Серебристого? Черт возьми, именно серебристого! Получив дозу непонятного успокоительного зелья, припадочный сосед основательно пропотел, но не обычной влагой, как все нормальные люди, а чем-то серебристым, подвижным, но в то же время плотным, как... жидкий металл.

«Нет, ну не ругать же он потеет! – Сергей присмотрелся, затребовав у импланта не только максимальную подсветку, но еще и увеличение, но ничего нового не увидел. – Неужели это н-капсулы? Но откуда они в организме человека? Там могут быть стабильные импланты или дикая механическая зараза, но не чистые, свободные от любых программ колонии нанороботов. Или я не все понимаю?»

– А-а, очухался, – сказал бионик, вновь поднимаясь с места и приближаясь к Сергею. – Это хорошо. Как раз время подошло. Ты один остался не ужаленный.

– Что происходит?

– На планете в целом или только здесь? – с усмешкой спросил боец и вынул из кармана новый шприц.

– Что с этим... – Сергей взглядом указал на соседа. – Я тоже так пропотею?

– Сейчас поглядим, – бионик снял с Сергея шлем и опустил гофру воротника боевого костюма. – Только не кусаться, хуже будет.

– Что это за укол?

– Сегодня ты все равно не поверишь, – медик воткнул иглу Сергею в шею. – А завтра тебе будет по барабану. Добро пожаловать в новую команду, воин. В команду «сто один».

* * *

Близилась ночь, и шумный сталкерский рынок Обочина потихоньку успокаивался. Почти совсем стихли голоса немногочисленных продавцов и покупателей в торговых рядах, закрылись скрипучие ворота складов и лавок, прекратили ворчать моторы машин, и умолкли визгливые сервоприводы роботов-погрузчиков. Топот, шумное дыхание, надсадный кашель, смех и ругань, шорохи одежды, побрякивание всевозможных предметов и гомон теперь доносились из узких амбразур, переоборудованных под ночлежки старинных домиков, из подвалов руин, которые до Катастрофы тоже были домами, но не настолько прочными, чтобы выдержать удар аномального взрыва, да из приоткрытых дверей кабаков.

В первую очередь из дверей «Пикника», самого большого и популярного кабака на рынке Обочина, тоже самого-самого в Старой Зоне. То есть в Чернобыльской локации, также самой известной и неоднозначной из пяти локаций Зоны Смерти.

Под хмурым небом остались лишь немногочисленные торговцы, которые сворачивали свои палатки, плюс запоздалые сталкеры, которые спешили по своим делам из одного конца торгового поселка в другой, да обколотые наркотиками шлюхи, подпирающие углы кабаков. И тех, и других, и третьих Лера насчитала едва ли с полтора десятка.

Лера вздохнула. А ведь еще недавно Обочина буквально кишела торговцами, бойцами всяких разных группировок и военными, посредниками и ворами, продажными девками и сутенерами, ошалевшими от увиденного в Зоне туристами, учеными, инспекторами всевозможных миссий и сопровождающими их сталкерами. Здесь покупалось и продавалось все, от воды, консервов и одежды до информации, оружия и женщин. Здесь заключались сделки, подписывались контракты, проводились переговоры. Если образно, жизнь бурлила и выплескивалась через край.

Теперь же она вяло булькала на самом доньшке. Людей, товара и сделок стало меньше на порядок, а вечные, казалось бы, ценности и правила втаптывались в грязь новым поколением сталкеров, пока не обстрелянных, но уже с большими амбициями.

В общем, рынок пришел в полнейший упадок, и дальнейшая его судьба скрывалась за туманной дымкой. Возобладает здравый смысл, вернется хотя бы двадцать процентов завсегдаев, возможно, Обочина получит новый шанс. Уйдут последние старожилы, уступят место молодым шакалам, рынок загнется в одночасье. Растащит его племя младое, незнакомое по камешкам. Как пить дать растащит...

Лера оторвалась от унылого сумеречного пейзажа за узким окошком и перевела взгляд на сидящего напротив субъекта. Этот человек не принадлежал ни к стае молодых шакалов, ни к славной когорте старожил Обочины. Он вообще не имел никакого отношения к сталкерам и прочим обитателям Зоны и прибыл на рынок с разовой миссией. Причем прибыл в сопровождении внушительной охраны.

Бойцы эскорта были облачены в нейтральную, ничем не примечательную экипировку, но очень уж повадками напоминали наемников. Причем тех, что работают только на мафию, а не кормятся сами по себе, то есть с любых рук. Впрочем, Лера могла и ошибаться. То, что охрана действовала грамотно и вела себя в меру дисциплинированно, могло означать, что бойцы прошли подготовку в военных лагерях. Да и в Ордене Священного Узла или в Ковчеге дисциплина не хромала.

В общем, не имело значения, чьи интересы представлял заказчик. Настоящий посредник никогда такими вещами открыто не поинтересуется. Сам до всего дойдет, с помощью дедукции.

Лера подняла взгляд и уставилась на заказчика в упор. Так она давала понять, что пауза затянулась и пора переходить к делу.

Заказчик не отвел взгляд. Тоже уставился Лере в глаза, но не вопросительно, а пристально, будто бы пытаясь заглянуть поглубже и прочитать мысли девушки. Заказчик явно не спешил выкладывать карты на стол. Он будто бы присматривался к самоуверенной девице, которая решила испытать себя на новом поприще.

«Резинщик!»

Впрочем, Лера его не осуждала. На месте заказчика она поступила бы в точности так же. Сначала присмотрелась бы, прощупала, поняла, чем дышит нанимаемый на ответственную роль человек, а уж после приняла бы решение. И, скорее всего, отрицательное.

Будь Лера мужчиной, она определенно отказалась бы от идеи доверить свои секреты какой-то дамочке с сомнительным прошлым и откровенно криминальными связями. Хотя... все зависело бы от обстановки. В точности, как сейчас. На Леру работали два весьма серьезных обстоятельства.

Во-первых, после весенней «эпидемии» и летней морской кампании биомехов в Зоне Смерти остро встал кадровый вопрос. Людей осталось катастрофически мало. Дошло даже до того, что прежние могущественные группировки оставили часть своих территорий и укрылись в «исконных» укрепрайонах.

Для Ордена Священного Узла таким районом всегда был Казантип, с его неразрушимой и мрачной Цитаделью, бывшей недостроенной атомной станцией. Для неофашистской группировки Ковчег логовом стала сеть бункеров в районе Кольцово и в Академгородке на окраине Новосибирска. Фанатики из секты «Пламенный крест» вернулись в основательно зачищенный морским десантом биомехов Сосновый Бор под Питером.

Относительно неплохо чувствовали себя только военные, им людские ресурсы исправно поставлялись вербовочными пунктами в приграничье и на Большой земле, да всевозможные деловые и наемники, которые во время охватившего Зону «весенне-летнего обострения» предпочли отойти на периферию, к Барьерам, и пересидеть все катаклизмы в многочисленных укрепленных поселках, бункерах и на рынках.

Так что, если начистоту, особого выбора у заказчика не осталось. Он мог бы обратиться к Касперу или к другому посреднику аналогичного уровня, но это обошлось бы ему в кругленькую сумму. Да еще неизвестно, согласился бы Каспер или нет. С недавних пор знаменитый академовский посредник стал очень осторожно относиться к новым заказчикам. Практически перестал брать заказы от посторонних.

Во-вторых, Лера отлично ориентировалась и в Зоне, и в тонкостях взаимоотношений между ее обитателями, и в подноготной группировок, что с лихвой компенсировало ее неопыт-

ность в посредническом ремесле. И вот тут-то прошлое и сомнительные связи даже играли на руку Северной Хозяйке. Видимо, заказчик выбрал Леру именно по этому критерию, а не потому, что на безрыбье и рак рыба. Во всяком случае, Лере хотелось верить, что все обстоит именно так.

Впрочем, она не исключала и третий вариант. У заказчика могли иметься свои, неведомые начинающей посреднице мотивы. И, вероятнее всего, среди них имелись и все вышеперечисленные, ведь третий вариант не исключал второго и первого.

– Вы давно в Зоне? – не отводя взгляда, наконец, спросил заказчик.

– С рождения, – Лера тоже продолжила игру в «гляделки». Уступать было не в ее правилах. Нет, ну бывало, конечно, но не сейчас. – Я помню Зону еще живой. Зараженной радиацией, но живой.

– Да? Интересно, – во взгляде заказчика не промелькнуло и микроскопической искры интереса. – И как же она выглядела?

– Лучше, чем сейчас.

Лера ответила холодно. И не только потому, что ее корбило от этого фальшивого интереса заказчика к прошлому Зоны. Любое упоминание о жизни до Катастрофы поднимало в душе у Леры волну смешанных чувств, которые мешали мыслить трезво. А на серьезных переговорах любой всплеск эмоций мог дорого обойтись. Поэтому все всплески следовало гасить сразу, мгновенно. И лучшим способом сделать это был и остается холодный тон. Так Лера остужала себя, а заодно ставила на место собеседника. Двойная выгода.

Видимо, уловив смену настроения Леры, собеседник снова взял паузу. Это означало, что заказчик настроен достаточно миролюбиво. Во всяком случае, желает, чтобы так казалось. Он как бы давал Лере время успокоиться и таким образом выправить ситуацию, внезапно давшую крен на корму.

Лера против новой паузы не возражала. Она сосредоточилась на полном контроле над эмоциями, отбросила лишние мысли и воспоминания... и тут же получила нечто вроде ответного удара. Воспоминания о жизни до Катастрофы, об ужасе, пережитом 13 сентября 2051 года, о потерях и лишениях, о трудностях выживания в новых условиях, обо всем этом и многом другом вдруг вернулись и выплеснулись Лере в лицо горячей волной. Девушка не устояла под натиском этой волны и мысленно сделала шаг назад...

Жизнь до Катастрофы тоже не была безоблачной. Это ведь непросто – безвылазно торчать в зоне отчуждения Чернобыльской АЭС, бродить по ее опасным закоулкам, прятаться от всевозможных мутировавших тварей и от людей, еще более опасных, чем твари. Но Лера все равно вспоминала свое трудное детство, как самое счастливое время в жизни.

У нее была семья: мама и папа, были свои игрушки, любимые местечки, даже друзья. Она училась, набиралась опыта, слушала захватывающие истории, которые рассказывал отец, и купалась в нежности, которую приберегала для нее мама. Зачастую приберегала в ущерб отношениям с папой...

Может быть, именно этот перекося и стал катализатором разрыва их отношений? Эти самые отношения и так были непростыми, полными каких-то страшных тайн и недомолвок, а тут еще и это. Одному все, другому ничего.

Впрочем, Лера так до конца и не поняла, что же случилось в тот злосчастный день, когда мама исчезла. Ушла она сама или стряслась какая-то беда? Отец не посвятил Леру в эту тайну.

Возможно, он и сам не знал, в чем дело, хотя в Зоне его считали почти оракулом, всезнающим и всевидящим. Лера не верила, что отец какой-то особенный, поэтому легко приняла тот факт, что папа не в курсе, куда и при каких обстоятельствах исчезла мама.

Добавил свой пятак в копилку и крестный, Механик, старинный приятель отца. Он заявил, что это дело житейское и Ольга, то есть мать Леры, обязательно вернется. «Не впервой ей уходить, куда Макар телят не гонял». И Лера поверила, что так все и будет.

А почему она не должна была верить двум самым авторитетным и близким для нее людям? Пусть папа и не настоящий оракул, но очень умный, а дядя Макс, то есть Механик... Уже в то время, за десять лет до Катастрофы, в зоне отчуждения Механик считался уникальной личностью, практически такой же необычной и вызывающей у народа мистический трепет, как и отец.

Почему? Этого Лера не понимала. Крестный всегда казался ей обычным человеком, разве что немного странноватым. Почему же люди крестились при виде Механика и шептались у него за спиной?

Однажды Лера спросила об этом у отца, но тот лишь загадочно улыбнулся и пропел строчку из какой-то старой песенки: «Здесь выжил лишь тот, кто был заранее мертв». А потом добавил, что народ просто завидует Механику, «очень уж этот бородатый увалень талантлив».

Короче говоря, исчезновение мамы поначалу не стало для Леры трагедией. Лишь когда прошло достаточно много времени и надежду потеряли все, кто ждал маминого возвращения, Лера поняла, что жизнь отныне стала другой, неполной, лишенной значительной части тепла и любви. Отец, конечно, давал ей все, что мог, но он не мог заменить маму. По определению.

Лера долго тосковала, даже впадала в отчаяние, считая, что настали худшие дни в ее жизни, но потом привыкла, успокоилась, а затем... наступил действительно худший день в ее жизни. День, когда она потеряла еще и отца. 13 сентября 2051 года. День, когда грянула Катастрофа.

Пять запредельно мощных взрывов неведомого, но явно аномального происхождения в пяти точках Евразии вывернули наизнанку пространство и время, разрушили все, что можно было разрушить, и убили почти все живое на сотни километров вокруг эпицентров.

Когда ударные волны и прочие поражающие факторы пяти синхронных взрывов сделали свое черное дело, в бывших эпицентрах закружили мощные смерчи, а на тридцатикилометровом расстоянии от смерчей возникли невидимые стены куполов (впоследствии выяснилось, что это сферы) гравитационных Барьеров. Купола накрыли локации возникшей мертвой зоны и отгородили ее от внешнего мира. Или наоборот. Факт в том, что тройная сила тяжести в трехкилометровой толще стенок Барьеров надежно изолировала пространство локаций, отделяя живой внешний мир от мертвого внутреннего. От мира пятиземелья Зоны Смерти.

А потом началось то, что многократно описано в тысячах сетевых статей, заметок, репортажей и в десятках книг о Зоне Смерти. Началась эволюция техносферы. То есть началось перерождение машин, оказавшихся внутри гравитационных сфер, в биомехов (поначалу их ошибочно называли механоидами) и скоргов.

В первые дни, недели и месяцы существования пятиземелья Зоны Смерти эволюция машин шла средними темпами. Переделанные во внепространственном Узле (или где-то еще, достоверно неизвестно) машины возвращались в нормальное пространство, но лишь за тем, чтобы утащить в пылевые вихри, которые по-прежнему кружились в центрах локаций, все электронно-механическое, что находили в Зоне Смерти. И через какое-то время эта «жесть» возвращалась тоже, и тоже совсем другой. Обладающей зачатками разума или хотя бы способной к самостоятельному функционированию по неведомым людям программам. Плюс к этому вооруженной до зубов.

Первый год, даже два, техносфера Зоны лишь формировалась, машины набирались опыта, экспериментировали с формами и содержанием. Но дальше дело пошло с нарастающей скоростью, и пустые, выжженные и перепаханные Взрывами земли пяти локаций заполонило то, что ученые обозвали техносом – совокупностью разумных и не очень обитателей Зоны, созданных из обломков машин.

То есть, проще говоря, Зону оккупировала орда электронно-механической нежити. Мертвой, но эффективно функционирующей и частично разумной.

И вот когда это произошло, наступил переломный момент. Вопрос принадлежности пяти локаций Зоны Смерти встал ребром. Или это царство техноса, или все-таки территория коренных обитателей – людей.

Нет, попытки уничтожить «взбунтовавшиеся машины» предпринимались и раньше. Практически сразу, после того как отгремели Взрывы невообразимой Катастрофы, в Зону вошли силы быстрого реагирования, а вокруг Барьеров расположились войска, впоследствии образовавшие костяк Барьерной армии.

И вольные искатели приключений в Зону потянулись тоже почти сразу.

А вскоре из запредельного пространства Узла начали возвращаться не только перелицованные машины, но и люди, случайно затянутые в смерчи во время Катастрофы.

Эти «жженые», как их обозвали в народе, и стали основной ударной силой «армии сопротивления техносу», ведь они имели особым образом «оплавленные» импланты в голове и обрели довольно необычные, но крайне полезные в Зоне таланты. Например, такие как талант энергика – способность запускать в противника шаровые молнии. Или талант мнемотехника, то есть способность на расстоянии подчинять себе мелких скоргов (что расшифровывается, как самопрограммирующийся кибернетический организм) и даже крупных биомехов. И так далее.

Да, все это было и до упомянутого выше переломного момента. Но всерьез война с разумными машинами началась именно в пятьдесят третьем, когда технос стал реальной силой, а люди поняли, наконец, что в Зоне им стоит задержаться не только ради мести чугункам. И не ради того, чтобы удержать Зону от расширения (да и расширяться она явно не собиралась). До людей дошло, что существует масса материальных стимулов для укрепления их позиций в Зоне. Какие это стимулы?

Три простейших примера. Запредельный Узел перекраивал машины, превращая их в уродливых внешне, но технически совершенных монстров. Загадочная энергия, которая во время Катастрофы выплеснулась из тамбуров-переходов между локациями, создала множество разных артефактов. В первую очередь – аккумуляторы, способные эту энергию накапливать и отдавать. Кроме того, на территории локаций образовались десятки крупных и сотни мелких пространственно-временных ловушек всевозможного пошиба.

И первое, и второе, и третье таило в себе колоссальный потенциал, освоив который современная наука могла совершить гигантский скачок вперед. К тому же, аномальная энергия Зоны вполне могла претендовать на роль альтернативного источника, способного спасти всю планету от энергетического, опять же, кризиса. А он к середине пятидесятых уже отчетливо маячил на горизонте. Даже ближе.

Так и открылась новая страница истории Зоны Смерти, а заодно и всей планеты. В мертвые локации пятиземелья вернулись живые люди. Которых там, понятное дело, никто с распростертыми объятиями не ждал.

Но людям ведь не привыкать к холодному приему. Они начали брать, что им нужно, защищая огнем и мечом свое право на возмещение ущерба от Катастрофы. Вот только технос к тому моменту так просто было уже не взять.

В результате война затянулась на многие годы и до сих пор шла с переменным успехом. Большая зачистка пятьдесят шестого склонила чашу весов на сторону людей, но Технореволюция и последовавшая за ней «жестяная эпидемия» выкосили столько народа, что едва не пришлось начинать колонизацию Зоны Смерти заново. Потом были морской десант чугунков в Сосновом Бору и небольшая «Цусима» с гидроботами и гидромехами в Крыму, множество других кампаний, но внятного результата они не принесли.

Биомехи не сдались, а люди не ушли. И Зона тоже не изменилась, она по-прежнему оставалась копией ада, разве что состояла только из пяти кругов. Или из шести, если считать еще и Узел, расположенный где-то в центре невидимой паутины, соединяющей все локации Зоны внепространственными переходами.

Последнее сравнение подняло в душе Леры новую волну, теперь холодную, полную мелких колючих лединок, и эта ассоциация подействовала на нее отрезвляюще. Она справилась с эмоциями и вернулась в реальность.

Она снова сидела в комнатке с облезлыми стенами и зарешеченными окнами, за шатким пластиковым столиком, на котором горела тусклая химическая лампа. И напротив Леры сидел заказчик. И никакого прошлого. Ни светлого, ни темного. Только настоящее. Серое, сумрачное, пахнущее гарью, сыростью и ржавчиной. Настоящее в Зоне Смерти.

Совладав с эмоциями, Лера поняла, что все-таки проиграла «гляделки». Взгляд ее опустился к затертой столешнице, и теперь ей требовалось приложить серьезное усилие, чтобы вновь поднять взгляд на заказчика. Лера опасалась, что увидит в глазах собеседника ироничную искорку или что-то подобное, но заказчик смотрел, как и прежде, абсолютно равнодушно. Что ж, это посредницу устраивало.

– Мой шеф, – вновь начал заказчик, – желает нанять вас, Валерия Андреевна, для выполнения одного непростого и очень ответственного задания.

Все-таки он решился! Лере снова пришлось унимать вскипевшие в душе эмоции. Теперь положительные, но все равно лишние во время переговоров.

– Я готова обсудить ваши условия, – стараясь говорить ровным тоном, ответила Лера.

– Хорошо, – заказчик положил руку на стол, а затем медленно поднял ладонь над столешницей, будто бы показывая, какой толщины будет пачка денег, которую получит посредница за услуги.

Между ладонью заказчика и столом образовалось сначала нечто вроде сгустка тумана, а затем сформировалась объемная проекция какого-то странного предмета.

Поначалу Лера не поняла, на что похож этот предмет. То ли на информационный кристалл вроде тех, которыми пользовались во времена, когда «флэшки» умерли, а вживленные компьютеры еще не распространились повсеместно, то ли на какое-то украшение, наподобие подвески из хрусталя или полудрагоценного камня. Но когда голограмма сформировалась окончательно – появилась цепочка, на которой висел кристалл, Леру в третий раз окатило волной, теперь теплой и уютной. А еще у нее защемило в груди. Да так сильно, что она едва не вскрикнула.

Она узнала эту странную подвеску. Нехитрое украшение принадлежало матери Леры и было для нее чем-то вроде талисмана или оберега. Во всяком случае, мама никогда не снимала эту подвеску. А еще как-то раз она обмолвилась, что если когда-нибудь пропадет, то именно из-за этого кристалла.

Лере эта фраза тогда показалась настолько загадочной, что она запомнила ее на всю жизнь. И еще она запомнила то, что сказал папа. Он тогда возразил маме, но его слова показали Лере еще более странными и пугающими.

«Пропадешь обязательно, только не из-за кристалла, а из-за своего отношения к нему. А он поможет тебе вернуться. Жаль, что будет поздно».

Этот разговор родителей состоялся за полгода до того, как мама исчезла, то есть уже больше полутора десятков лет назад, но Лера помнила все слова, жесты и даже выражения лиц родителей.

Почему из сотен странных родительских разговоров она запомнила именно этот? Возможно, ей передалась частица отцовского дара предвидения? Возможно, Лера уже тогда подсознательно готовилась к тому, что когда-то вновь увидит если не саму маму, то хотя бы что-то ей принадлежавшее?

– Вы знаете, что это? – спросил заказчик.

– Я... – Лера немного растерялась. – Не уверена, но...

– Это кристалл, – сказал собеседник. – Ничего особенного или аномального. Просто кусок искусственного хрусталя. Но вот что странно, этот простой осколок хранится у моего шефа в сейфе. Рядом с настоящими драгоценностями. Знаете, почему?

– Нет, – голос Леры предательски дрогнул.

– Хорошо, – заказчик опустил ладонь на стол, сворачивая объемную проекцию. – Не знаете, значит, не знаете. Это и не важно. Главное, теперь вы поняли, что имеете дело с серьезными и весьма осведомленными людьми. Не так ли?

– Да, я поняла, – голос почти сел.

– Мы знаем практически все о вас и ваших родителях, о семейных «скелетах в шкафу» и о маленьких личных тайнах. Более того, Валерия, мы знаем то, чего не знаете вы. И эта информация будет частью оплаты ваших услуг.

– Информация? Я не понимаю...

– Валерия Андреевна, вам разве не доводилось размышлять над странными событиями семнадцатилетней давности и мысленно моделировать их последствия?

– Вы намекаете, что одна из моделей воплотилась в жизнь?

– Я намекаю на то, что странная история с исчезновением вашей матери могла закончиться вовсе не так трагично, как предполагали вы и ваш отец.

– Могла?

– Оставьте мне возможность получить удовольствие от недосказанности, – заказчик улыбнулся, но ничуть не теплее и радушнее, чем скалящийся хищник.

– Вот почему... – Лера не сумела закончить фразу, к горлу подступил комок. Мысли о маме лезли в голову с неотразимой настойчивостью.

– Мы обратились именно к вам, – закончил вместо нее собеседник. – Вам передались не только ум и храбрость ваших родителей, но и скрытые таланты этих нестандартных во всех отношениях людей. Генетика – это великая сила. Не уверен, что вы овладели всеми способностями, переданными от отца, но с материнским талантом вы справились, не так ли?

– Вы имеете в виду...

– Да. Вживленный Механиком имплант особой серии помог освоить талант, доставшийся вам от матери. Вы скрываете этот факт даже от своего приятеля Лешего. В курсе дела только Механик, и о чем-то, возможно, догадывается Каспер. Но догадки не в счет, а Механик временно вне игры.

– Я все поняла! – Нервы все-таки не выдержали, и Лера выдала свои чувства. – Я принимаю ваши условия. Информация о... об интересующем меня человеке... и стандартная ставка посредника среднего уровня. Я правильно поняла?

– Деловая хватка превыше эмоций, – бесстрастно констатировал заказчик. – Хорошо. Вы умеете держать себя в руках. Сработаемся.

– Вот давайте и поговорим о работе, – резко произнесла Лера.

– Не вопрос, – ответил заказчик и вновь попытался поймать взгляд Леры. Видимо, чтобы проследить за ее реакцией на фразочку из арсенала отца.

Лера не отреагировала никак. Вот уже почти год, как этот ответ стал для нее ассоциироваться с Лешим, а не с отцом. Да и многие другие вещи, которые прежде были связаны с папой, вдруг будто бы сами собой стали частью образа Лешего.

Поначалу Леру даже пугало то, что случайный приятель так сильно походит на отца. Но чуть позже Лера догадалась, в чем дело. Они никогда не обсуждали с Лешим эту тему, но Лера была практически уверена, что ее догадка верна.

Осмыслить и уложить в голове факт, что Леший носит в мозгу имплант Лериного отца, оказалось невероятно трудным делом. Все это едва не привело к разрыву между Лешим и Лерой. Но постепенно девушка смирилась, а потом вдруг поняла, что Леший походит на ее отца не больше, чем прилежный ученик на хорошего учителя.

Да, он научился многому из того, что знал отец. Он подхватил знамя и достойно его несет, но он другой человек. Он Леший, а не отец Леры. Самостоятельная, уникальная личность со своими достоинствами и недостатками, со своим взглядом на жизнь, со своей системой ценностей и талантами. Плюс с суммой знаний и навыков, переданных ему Лериным отцом в виде базы данных имплантированного микрокомпьютера.

Так что отец Леры стал для Лешего учителем и своего рода «ангелом-хранителем». Ни больше, ни меньше.

Вот почему никакой реакции на провокацию «по отцовской линии» у Леры быть и не могло. Другое дело, упоминание о матери. От одной мысли, что она, возможно, жива и даже вернулась в Зону, у Леры, что называется, срывало крышу. Настолько неожиданной, невероятной, но радостной казалась мысль об этом.

Впрочем, не факт, что, произнося «коронную» фразу, заказчик намекал на отца. Возможно, он имел в виду именно Лешего. Осознав, что такое вполне вероятно, Лера насторожилась.

– Ваше участие в деле будет состоять из трех этапов, – заказчик, наконец, прекратил сверлить Леру взглядом и заговорил по-деловому, спокойно, уверенно, конкретно. – На первом этапе вы воспользуетесь своим скрытым талантом и приведете в указанную нами точку нескольких сталкеров. Вот список и координаты.

Заказчик вновь поднял ладонь. На столе проступил короткий столбец из пяти имен. Первым, как и опасалась Лера, значился Леший.

– Почему...

– Это обязательное условие, – перебил ее собеседник. – Леший должен участвовать. Всех остальных можете заменить на любых других жженных. Они просто создадут фон. Если вас одолевают сомнения, подберите Лешему наиболее безопасный маршрут. Но Леший не должен знать никаких деталей. Ни на первом этапе, ни на последующих. Это наше с вами дело. Только наше, и ничье больше. Он в этой ситуации лишь пешка.

– В Зоне не существует безопасных маршрутов! – едва сдерживая возмущение, возразила Лера. – Каждый выход смертельно опасен. Если я заставлю Лешего работать вслепую, это будет неправильно и даже подло! По большому счету вы предлагаете мне предать Лешего, пусть это пока и неочевидно.

– Моральные нюансы – ваши проблемы, посредник, – равнодушно заявил собеседник. – Не поздно отказаться.

Лера на несколько секунд замерла. Решение давалось мучительно трудно.

Изначально она допускала, что рано или поздно такое может произойти. Что она получит заказ, при выполнении которого могут пострадать близкие ей люди. В крупных играх крупные ставки и наплевательское отношение к жизням исполнителей.

Лера и сама рисковала оказаться в роли расходного материала, ведь неопытный, полный амбиций посредник полезен лишь, как патрон, который выстрелит энтузиазмом и, возможно, принесет барыши даже крупнее, чем способен принести опытный посредник, но в дальнейшем им можно пожертвовать без сожаления. То есть Лера осознавала, что может возникнуть ситуация, когда она подставит и себя (даже Каспер наступал на такие грабли), но тут имелась разница.

Приняв решение стать посредником, она заложила поправку на риск осознанно, а Леший ничего не знал ни об игре заказчика, ни даже о настоящей личности посредника. Получалось предательство в чистом виде.

Да, вынужденное. Но Леру этот нюанс не извинял. И от этого было противно! До тошноты. И все-таки выбора у нее не оставалось. Назвался груздем, полезай в кузов.

Она медленно покачала головой.

– Нет, я не откажусь. Продолжайте.

– Хорошо. Вы уже выбрали себе позывной?

– Я пока не решила, но... была мысль взять себе прозвище Аквилон.

– Северный ветер? Что ж, хорошо. Итак, вы представитесь сталкерам, как Аквилон, и приведете их в нужную нам точку. Когда этот этап останется позади, я свяжусь с вами и скажу, что делать дальше. Есть вопросы?

– Нет, – Лера вновь покачала головой.

– В таком случае, желаю удачи, Аквилон, – заказчик встал и протянул Лере руку.

Лера тоже поднялась и, проигнорировав жест заказчика, направилась к выходу из помещения. Ей было душно в этой обшарпанной комнатенке. Душно и противно. От самой себя...

...На улице новоиспеченной посреднице легче не стало. Глоток воздуха, прохладного, с привкусом гари, избавил от тошноты, но сумеречный свет, низкие тучи и морозящий дождь только усилили охватившее Леру уныние.

Она торопливо пересекла базарную площадь и буквально влетела в распахнутые двери полупустого «Пикника».

Не реагируя на приветственные окрики и посвистывания, за которые в другой ситуации она непременно съездила бы кое-кому по физиономии, девушка протолкнулась к стойке и кивком указала бармену на стеллаж, на котором в ряд расположились бутылки с крепкими напитками.

Бармен понял ее без лишних уточнений. О вкусах Северной Хозяйки он знал все. Даже больше. Иногда он умудрялся угадать, чего хочет Лера, даже раньше, чем она сама успевала это понять. Вот и сейчас он налил ей то, что нужно, и, когда она выпила, немедленно повторил.

– Метаболический имплант отключи, – негромко посоветовал бармен, когда Лера все так же кивком затребовала третью. – А то переведешь добро зазря.

– Не учи ученую, – буркнула Лера. – Наливай.

– Не поможет, – бармен пожал плечами и налил третью. – Если проблемы, лучше посоветоваться с кем-нибудь. Истины в вине нет. Все это художественные бредни античных алкашей.

– И в кого ты такой умный? – Лера взглянула на бармена исподлобья.

– В маму, она у меня литературу преподавала, – невозмутимо глядя на Леру, ответил бармен.

– В маму. – Лера тоскливо уставилась на отполированную локтями барную стойку. – Вот и я в маму... черт побери!

– Все мы в кого-то. Еще налить?

– Посоветоваться? – вдруг переспросила Лера. – С кем?

– Не знаю, – бармен снова пожал плечами. – Со специалистом. Если у тебя бизнес встал, то с тем, у кого он идет в гору. А если, к примеру, оружие клинит, то с оружейником. Или что, у тебя личное что-то? Мужик съехал? Тогда можешь и со мной посоветоваться.

– С тобой в последнюю очередь, – отрезала Лера. – Налей воды и топай. Вон, другие клиенты заждались.

– Как знаешь, – бармен поставил перед Лерой стакан воды и неторопливо удалился.

Лера тем временем мысленно изучила со всех сторон толковый в принципе совет, но пришла к выводу, что в ее ситуации пользы от него ноль. Она могла связаться с Каспером и во всем сознаться, а затем попросить у опытного «конкурента» помощи, но Леру останавливала гордость, смешанная с надеждой на то, что все обойдется. Не таким уж сложным для такого бойца, как Леший, было задание. Из пункта «А» прийти в точку «Б». Плевое дело. Разминка!

– Верно мыслишь, крестница, – неожиданно прозвучало прямо у нее в голове.

Так срабатывал не стандартный м-фон, а коммуникатор главного импланта специальной серии. Той самой серии, которую в свое время избранным личностям вживлял лично Механик. На сегодняшний день такие импланты остались только у двоих «избранных личностей», у Леры

и Каспера. Плюс, конечно, у самого Механика. Еще нечто подобное имелось в голове у Лешего, но это особый случай.

Так вот, сейчас заработал коммуникатор главного импланта и на связь вышел лично Механик. Случай уникальный. Ведь Механик никогда никому не звонил, даже своим «крестникам», а тут вдруг такое исключение.

– Ни фиги себе подарочек. – Лера, несмотря на усилия метаболического импланта, все-таки слегка захмелела и расслабилась. – В связи с чем?

– Почуял, что маешься, вот и решил поддержать, – Механик усмехнулся. – Чем душу разбередила? Отчего в тоске-печали? Неужто натворила чего-то, в чем сильно сомневаешься и за что тебе мучительно больно и стыдно, но что, вероятно, стоит и мучений, и стыда?

В заковыристо сформулированном вопросе явно скрывался «тонкий намек на толстые обстоятельства». Более того, осмыслив вопрос, Лера поняла, что этот бородатый гад все знал и теперь издевается!

Лера не стала сдерживать эмоции и мысленно послала Механика в довольно популярном направлении. Бородач хмыкнул, но не обиделся. Механик почему-то дал понять, что даже доволен поведением крестницы.

– Отшлепать, конечно, надо, – Механик ухмыльнулся, – но ладно, прощаю. Будем считать, что меня устроило твоё раскаяние.

Он в очередной раз усмехнулся.

– Ой, не верю я тебе, дядя Максим, – Лера вздохнула. – Признайся, ты следишь за ситуацией? Шпионишь за мной через коммуникатор импланта?

– Есть маленько, – будто бы нехотя признался Механик. – Но это исключительно для твоей же пользы. Чтобы удержать тебя от попятных движений, вызванных растрепанностью чувств.

– Короче, Касперу не звонить, – подытожила Лера.

– Не надо. Все идет по плану. Уж поверь. Но ежели снова засомневаешься, мне позвони.

– А зачем? Ты и так в курсе всех дел, следишь за мной. Сам подскажешь, «ежели» что-то случится. Разве не так?

– Не так, крестница, не так, – Механик вздохнул. – Дел много. За всеми не уследишь. Так что ты уж сама. У тебя получится. Бывай.

Механик дал отбой связи, но Лера не огорчилась. Она взяла себя в руки и поняла, что крестный прав. У нее все непременно получится. А еще Лера поняла, что если не она, так кто-то другой выполнит бы эту миссию, допустим, тот же Каспер. Так что прочь угрызения совести и прочие помехи! Надо сосредоточиться на задаче и подключить все таланты. В том числе один скрытый, о котором знали только трое помимо самой Леры: отец, мать и крестный.

Леру вдруг осенило. Если заказчик узнал о скрытом таланте посредницы, то становилось вполне понятным, почему он выбрал из толпы посредников именно ее (и, кстати, это увеличивало шансы Леры остаться в живых). Но откуда он узнал о ее наследственном даре? От кого?

Отца давно нет, Механик исключается, ведь он явно затеял контригру с заказчиком. Подсказала исчезнувшая многие годы назад мать? Но тогда вообще прочь сомнения! Если есть хоть один шанс из тысячи найти маму, Лера им воспользуется без колебаний.

От принятого окончательного решения на душе сразу же полегчало. Неприятный осадок остался, и угрызения совести никуда не делись, но теперь Лера точно знала, что поступает правильно. Аморально в целом и подло по отношению к любимому человеку, но правильно.

Парадокс? А из чего состоит вся жизнь, как не из парадоксов?

К тому же Леру вдохновлял факт вмешательства в дело Механика. Он ведь в некотором смысле крестный и для Лешего, а значит, не даст крестника в обиду. Хотя бы не допустит его гибели.

Лера отлично понимала, что пытается себя оправдать, что получается это у нее неуклюже, да и не получается вовсе, если уж быть до конца честной, но обратного пути она не видела. Не существовало обратного пути. Только вперед, как говорится, и с песней.

1. Зона, локация ЧАЭС, 31.03.2058 г.

Съехать в овраг по пологому склону получилось, как на санках, даже лучше, как по водной горке, легко и с причмоком грязи под задницей. А вот взобраться по противоположному склону представлялось почти невыполнимой миссией. Другой склон оврага даже склоном было бы неверно назвать. Высоченный контрэскарп, а не склон, почти отвесная земляная стена с торчащими кое-где ростками автонов.

Почему сразу не подумал, что придется решать эту проблему? Как мог проколоться на таком пустяке? Детство в мягком месте заиграло, захотелось прокатиться с горки, да чтоб с ветерком?

Леший сделал шаг назад и запрокинул голову, изучая срез отвесного берега.

Земля. Рыхлая, липкая, ненадежная. Зацепиться не за что, даже если удастся подпрыгнуть.

Просто сон какой-то. Бывает, что снятся такие кошмары. Вроде бы идешь, все нормально, а потом вдруг обрыв, или, наоборот, гора, или дорога была асфальтовой и вдруг становится грунтовой, да еще размытой, как в весеннюю распутицу.

Леший обычно по таким снам легко определял, каким будет день и удастся ли запланированное на сегодня дело. Если перепрыгнул во сне овраг, взобрался на гору, прошел по грязи аки посуху, все получится. Если нет, не запрещается попытаться, но надо иметь в виду, что в деле есть какой-то изъян, чего-то при планировании ты не учел. Срабатывало всегда.

Одна проблема: настолько буквально сон никогда не сбывался.

Леший вновь мысленно себя пристыдил. Опытнейший сталкер, седьмой год в Зоне Смерти, три крупных операции за плечами и такой детский прокол, не удосужился подумать, как выбираться из оврага. Просто наваждение какое-то, словно бес какой-то попутал.

Леший встряхнул головой, то ли прогоняя наваждение, то ли пытаясь привести в порядок собственные мысли.

Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива. Никто ничего на сталкера не наводил, ни порчу, ни сглаз, ни туман на мозги. Сам виноват, задумался, замечтался, завспоминался.

Дома надо лихие дни вспоминать, у Леры под боком. А после того как вышел за порог, о деле думать надо. Так оно полезнее и безопаснее.

Нет, даже еще раньше следовало выбросить из головы историю с биографией. Еще когда получил заказ. Когда на связь вышел смешной посредник-новичок, который, сбиваясь от волнения, предложил простое дельце. Разве что в непростом местечке.

Деньги он посулил небольшие, но Леший не стал отказываться. Сидеть без дела он не любил, а деньги и в Африке деньги, любые, хоть бешеные, хоть скромные. Прогуляться до Копачей, забрать посылку и вернуться – сплошное удовольствие, а не миссия, а тут еще и доплачивают за удовольствие.

Леший прекрасно знал, какой мышеловкой может накрыться безобидная вроде бы прогулка за бесплатным сыром. Но сегодня почему-то сталкер верил, что все пройдет гладко. Во сне он буквально пушинкой взлетел на вставшее дыбом шоссе – приснилась типичная картинка из московского прошлого Лешего – а значит, все преграды и мелкие препятствия сталкер должен будет преодолеть без напряжения. Просто обязан их легко преодолеть. Иначе рухнет так тщательно культивируемая система личных прогнозов, а это вам не шуточки.

У каждого человека есть своя система примет, и это неотъемлемая часть его мировоззрения. Отнять ее – все равно что выколоть человеку «третий глаз».

Сталкер хмыкнул и повертел головой, оценивая ситуацию. Пройти влево метров триста, и овраг измельчает, а затем вовсе прервется, уткнувшись в каменный завал, по которому можно будет легко и непринужденно взобраться на любой из берегов. Но ведь это крюк! Да еще какой!

Триста метров по колено в вязкой ядовитой грязи это вам не то же расстояние по асфальту. Даже сервоусилители легкого бронекостюма не помогут. Вот в тяжелом скафандре – совсем другая песня, там моторы все за тебя делают. Не идешь, а тупо едешь, разве что ногами для приличия перебираешь. Но какой смысл облачаться в такую скорлупу, выходя на короткую прогулку?

Леший бросил взгляд вправо. Там овраг становился еще глубже и расширялся, да к тому же на дне его разливалось целое море кипящей ядовитой грязи. Булькающая, смердящая топь неведомой глубины. Засосет – не выберешься.

В общем, оставался только один путь – вперед. Прямо по скользкой отвесной стенке.

Да, трудно, но не отступить же?

Сталкер сделал еще несколько шагов назад, кое-как утапывая грязь, секунду помедлил, а затем рванулся вперед. Разбег получился неплохой, но прыжок подкачал. Лешему удалось зацепиться за край обрыва лишь кончиками пальцев. Понятное дело, рыхлая земля осыпалась, край раскрошился, и сталкер съехал по склону на животе.

Теперь грязь покрывала его бронекостюм равномерно, и спереди, и сзади. Хорошо, что сверху не присыпало.

Вторая попытка вышла более удачной. Леший сумел улечься животом на край обрыва и потихоньку-полегоньку выполз на ровное место.

Результат следовало признать удовлетворительным. Выпрыгнуть из такой ямы со второй попытки – даже на твердую четверку.

Леший поднялся, гордо приосанился и аккуратно счистил с костюма самые крупные комья грязи.

– Бегемоты в грязи и то тише плещутся, – проворчал неподалеку знакомый Лешему голос.

– Все, нам конец, сейчас сюда сбегутся все чугунки сектора, – вздохнув, поддержал первого комментатора второй голос, тоже знакомый. – Я уже слышу, как эти уроды приближаются.

Как выяснилось, гордости Лешего за маленький подвиг не разделяли два человека, наблюдавшие за его упражнениями. Этими зрителями оказались знакомые вольные сталкеры, Боря Толмачев по прозвищу Толмач и Яков Яковлев по прозвищу... Яковлев. Они сидели на груде камней в нескольких метрах от Лешего, расслабленно положив оружие на колени и ничуть не беспокоясь, на самом деле, о якобы приближающихся биомехах. Оба разглядывали Лешего с дружеской усмешкой и ворчали беззлобно.

– Привет, туристы, – Леший кивнул. – А что мне оставалось?

– Не лезть в яму, – сказал Толмач. – Ты ведь южнее шел, зачем сюда свернул? Ловушку почуял?

– Так получилось. – Леший пожал плечами и оглянулся.

Приятель оказался прав. Лешему следовало пройти мимо оврага гораздо севернее, по краю поселка Лелев. Никакими ловушками там никогда и не пахло, мелкие биомехи и скорги «паслись» на энергополях мирно, ходоков обычно не трогали, аномальных явлений тоже никто не наблюдал. Там могли встретиться патрули чистильщиков или бойцы из местной шайки Строгача, но ни военных, ни бандитов, ни хотя бы их следов Леший не заметил. Сегодня Лелев выглядел и вовсе курортным местечком в предзакатный час, а не сектором Зоны Смерти.

И все же по какой-то неведомой причине сталкер сделал крюк и очутился здесь, в районе турбазы, почти на окраине Копачей, тоже давно не существующего, но нанесенного на карту населенного пункта. Когда-то именно Копачи обозначали середину пути от мертвого Чернобыля до такой же заброшенной Припяти.

Леший повторно пожал плечами и вновь обернулся к приятелям.

– А вы что тут забыли?

– А мы тоже с пути сбились, – охотно ответил Яковлев. – Прикинь! Шли себе по одному мелкому дельцу в Корогод, никого не трогали, а потом вдруг – раз! – словно выключились.

Потом включились и глазам не верим. Как будто во сне пяток километров отмахали. Стоим вот тут и озираемся. И главное дело, ни в какую заразу не вляпались, ни с кем не схлестнулись, даже по жестяному лабиринту в районе пионерлагеря прошли, как слабительное по кишкам: петляя, но не задерживаясь. Чудеса, короче говоря, и мистический фарт сплошным потоком.

– А потом тебя увидели, – сказал Толмач. – Идешь весь из себя задумчивый и ни вперед, ни по сторонам не смотришь. Но при этом грамотно идешь. Яму со скоргами перемахнул, муравейник обошел, от биомехов лелевских на всякий случай за «жестянкой» укрылся. Я махнул – ноль реакции. Попробовал на связь выйти, ты не ответил. Ну, а дальше... вот он ты.

– Как живой, – добавил Яковлев.

Если последнее слово оставалось за кем-то другим, Яковлева просто пучило.

– Интересная получилась... фигня. – Леший приподнял шлем и потер затылок. – Гипноз какой-то, что ли?

– Мы с Толмачом жженые, – засомневался Яковлев. – Нас гипноз не берет. Обычно.

– Обычно, – Леший усмехнулся. – А вы хоть раз пробовали?

– Не должен брать, – исправил напарника Толмач.

– Не должен брать, потому и не берет!

– Должен, не должен, это все теория, – Леший жестом остановил зарождающийся спор. – Факты говорят о другом. Мы все трое свернули с пути и очутились здесь, в Копачах. Кто нас заставил это сделать и как, я не в курсе и не очень-то хочу это знать. Меня даже не волнует вопрос, зачем они это сделали. С умыслом или ради практики, не важно. Может, мнемотехники армейские тренируются на наших имплантах или залетные ученые балуются с какими-нибудь психотронными излучателями, мало ли? Но мне интересно, почему выбрали именно нас? Ведь если сейчас посмотреть на Старую Зону с высоты птичьего полета, окажется, что по ней ползает как минимум десяток тысяч вольных ходоков и всевозможных ангажированных личностей.

– Силен ты стал телеги толкать, – ухмыляясь, оценил речь Лешего Яковлев. – Прямо оратором стал. Доктором оральных наук. Только лично мне по фигу, почему мы, мне интересно – на фиг?

– А я согласен с Лешим, – заявил Толмач. – Мне тоже интересно, почему именно нас бесы попутали?

– Не только вас, орлы бескрылые, туды-растуды вас в скорлупу... – послышалось угрюмое ворчание слева, из-за груды камней, до которой Леший поленился идти по дну оврага. – Что ж тут за буераки?! Ракудрить твою...

Сталкеры одновременно обернулись навстречу еще двум персонажам. Ими также оказались вольные ходоки, причем тоже из жженных, то есть самых что ни на есть опытных. Это были Федор Лосев по прозвищу, конечно же, Лось и Семен Семеныч. Ему по причине солидности возраста прозвища не полагалось.

Ворчал, естественно, Семеныч, самый пожилой, наверное, из всех сталкеров Зоны Смерти. Говорят, начинал он еще в те далекие времена, когда зона существовала в единственном экземпляре, называлась Зоной отчуждения вокруг Чернобыльской АЭС и считалась просто радиоактивной свалкой, где живут и промышляют всякие бродяги, а по ночам на просторы которой выходят всевозможные мутанты, зомби, вурдалаки и так далее. Просто гоголевский хутор тут был, если верить этим байкам. Разве что панночка в гробу не летала.

Семеныч не отрицал, что помнит годы Зоны отчуждения, и с удовольствием рассказывал о тех героических временах и о людях, которых он якобы знал лично. До последнего времени Леший считал все «сталкерские страшилки» Семена Семеныча вымышленными историями пополам со старческим бредом рассказчика. Но после того как Механик вживил Лешему дополнительный имплант, сталкер все чаще ловил себя на мысли, что «вспоминает» эпизоды из жизни прежнего владельца дополнительного импланта, и эти эпизоды подозрительно точно соответствуют тому, что рассказывал Семеныч.

В общем, не только Леший умел «толкать телеги», имелись в Зоне Смерти рассказчики и покруче, и один из них как раз приближался к импровизированному месту сбора жженных и «прочих, не хуже».

– И встали они, как могучие дубы вокруг поляны, и образовали совет, – нараспев продребезжал старческим голосом Семеныч. – Но совет дубов – есть дубовая роща и толку от нее ноль, разве что тень в жаркий денек. О чем задумались, детины?

– А ты не задумался? – Толмач смерил пожилого сталкера насмешливым взглядом. – Тоже ведь не помнишь, как сюда свернул?

– Не помню, – легко согласился Семеныч, – ибо старый я, в маразме. Но точно помню, что не сворачивал никуда. В Копачи шел, в них и пришел. Я ничего не путаю, Федя?

Он обернулся к спутнику. Федя Лосев кивнул Семенычу и так же молча, кивками, поприветствовал сталкеров.

Скорее всего, старик не врал, во взгляде Лося не читалось никакой тревоги или растерянности. Видимо, эта странная парочка действительно шла напрямик сюда.

– И зачем вы пришли? – невольно вырвалось у Лешего.

Задавать такие вопросы среди вольных сталкеров считалось дурным тоном, но сейчас ситуация не просто располагала к нарушению этикета, а подталкивала к этому.

Семеныч понял ситуацию верно.

– А вот это та самая проруха, которая и на старуху бывает, – Семеныч вздохнул. – С пути мы не сбивались. Кто-то изначально мозги нам прополоскал – будь здоров. Ну чего ради, скажите, сынки, на милость, я поперся бы в такую даль? За семь верст лаптем щей похлебать?! В мои-то годы! Ан нет, будто загипнотизировал этот паршивец, посредник малолетний.

– Малолетний, точно, – проронил Толмач. – Я еще удивился, откуда таких берут и кто им деньги доверяет? Неужто настолько народ в Зоне выкосили все эти эпидемии и катавасии с чугунками?

– И меня какой-то мелкий бес попутал, – согласился Яковлев.

– Это баба была, – наконец раскрыл рот Лосев.

И надо признать, раскрыл рот он не только вовремя, но и сразу попал в точку. Леший, например, без малейших раздумий согласился с его версией. Если принять вариант Лосева, все вставало на места. И тон посредника, и его попытки придать голосу басовитость, и подбор слов, которые не выдадут принадлежность посредника к слабому полу...

А Леший принял это за неуверенность, решил, что посредник от волнения запинается. А оно вон как вышло! Как же сразу-то не догадался? Один факт, что посредника порекомендовала Лера, должен был насторожить. Нет, не то чтобы насторожить, но хотя бы навести на мысль о женской солидарности.

Лера явно пропихивала на непыльную и прибыльную работенку какую-то свою подружку. Скорее всего, не просто так старалась милая барышня, за проценты. Когда пахнет прибылью, у Северной Хозяйки хватка отменная, сцапает и не отпустит. Но сути дела этот момент не менял. Аквилон оказался «северным ветром из-под юбки», как ни двусмысленно это звучало.

– Но, получается, эта бабенка не только мозги нам промыла, она еще за всеми следила по ходу дела? Как?

– М-связь, – сказал Толмач. – Связь потому и не работала на прием. Посредница открытые каналы держала. Сразу со всеми. И вела нас, как баранов, по м-связи нашептывала, куда идти.

– Круто, – Яковлев хмыкнул. – Серьезная подготовка у девчонки. И импланты серьезные. Такие не у каждого жженого найдутся. Наверняка какая-нибудь специальная серия. Люди говорили, что у Мерлина такой имплант был. И у Механика вроде бы.

– И еще у троих что-то похожее, – проронил Леший себе под нос.

– Да? – тут же оживился Семен Семеныч. – Знаешь их?

– Не знаю, просто слышал, – Леший взглядом указал на Яковлева. – Люди говорили.
– Что-то вообще ничего не понимаю, – признался Яковлев. – На фига мы ей?
– С чего я и начал, – сказал Леший. – Семен Семеныч, есть версии?
– Перво-наперво забудьте, что нас девка поимела, – Семеныч хитро взглянул на Лешего. – Они на это и рассчитывают. Из равновесия этим фактом хотят нас вывести.
– Кто они?
– Это следующий вопрос, Леший. Они – это те, кто нас сюда сволок. Не девка-посредница, а настоящие игроки.
– Враги, – вновь коротко, но внятно высказался Лось.
– Молодец, Федя, копнул под самый корень, – одобрил Семеныч. – Обманом затащили, гипнозом мозги нам промыли, да еще на нервы капают и гормонов пытаются в кровь плеснуть. Однозначно враги, друзья так себя не ведут.
– Чего хотят-то? – чуточку нервно спросил Яковлев.
– Хотят понятно чего, угробить, – понижая голос, ответил Семеныч. – Ты не тушуйся, Яша, умирать не больно.
– Да не собираюсь я умирать! – возмущенно заявил Яковлев и перекрестился.
– А если не собираешься, подумай над тем, что Леший спросил, – спокойно продолжил Семеныч. – Почему мы? Если пойдем, у нас появится шанс. В этом главный вопрос, а не в том, чего они хотят? Убить хотят, ясное дело. Как собираются нас убивать? Тоже не вопрос. Как угодно, лишь бы насмерть. Но нам привыкать, что ли?
– Вдохновил, – Яковлев взял себя в руки и жестом остановил словоохотливого старейшину. – Дальше сам справлюсь.
– Теперь тихо, сынки, – Семеныч вдруг замер, как сеттер в стойке. – Топают, касатики. Вдоль пруда топают. Много их, да все тяжелые. Неужто в броне?
– Может, чугунки? – спросил Леший.
– Не-ет, Леший, не биомехи это и не сталтехи. Даже не морботы. Живые идут, дыхание слышу, и сердца у них стучат.
– Ты просто как сказочный персонаж, – усмехнулся Толмач. – Приложил ухо к земле и услышал, что за тридевять земель творится.
– Полно тебе глумиться, юноша, – Семеныч вздохнул. – Доживи до моих лет, еще не такие импланты придется вживить. «Тошиба», слуховой аппарат вместе с вестибулярным, знаешь, сколько за него отдал?
– Кучу денег.
– Вот именно, – Семеныч снова вздохнул. – Чуть не удавился, когда мне счет выставили. Но как оказалось, он того стоит. Километр с четвертью до войска вражьего, сынки. Какие будут предложения?
– Ноги в руки, – Яковлев кивком указал на остатки трассы Р-10, – и в Чернобыль. Там растворимся, они и глазом не успеют моргнуть.
– Согласен, – сказал Толмач.
– Не получится, – возразил Леший.
– Почему?
– Гипнотизерша не позволит. У тебя м-фон заработал?
– Занят.
– И чем он занят, как думаешь?
– Вот сука!
– Не зли ее, а то совсем отключит, будешь тут, как зомби, круги нарезать.
– Да пошла она!
– Окапываться надо, – невозмутимо глядя на дальнюю окраину бывшего поселка, как раз проходящую по берегу пруда-охладителя, сказал Лосев. – Затем нас и собрали.

- Чтобы посмотреть, как мы роем окопы? – удивился Яковлев.
- Чтобы посмотреть, как мы будем драться.
- Молодец, Федя, – вновь одобрил Семеныч выводы своего спутника. – Одно уточнение.

Не мы, а они.

- В смысле? – Яковлев поморщился. – Чего «не мы, а они»?

– Скоро увидишь. – Семеныч ловко достал из кобуры «Страйк» и присел за валуном. – К бою, ребята, к бою. Не торчите фонарями, рассасывайтесь. Минутная готовность. Сейчас покажутся. Во-он из-за того холмика, где покосившийся крест торчит.

Семен Семеныч не ошибся. Прошла ровно минута, и между черными холмами, которые обозначали южную окраину бывшего поселка, появились силуэты вооруженных людей. Леший затребовал у импланта увеличение и компьютерную обработку изображения. Апрельская хмарь и завеса мелкого дождя мешали детально разглядеть приближающегося противника, но общее представление Леший получил.

Люди, которые показались на том краю поселка, носили военную форму, только без знаков различия, имели неплохую экипировку, штатное оружие чистильщиков, да и всеми повадками смахивали на военных. Построение цепью и передвижение перебежками, с прикрытием, тоже наводило на мысль, что на подходе какая-то группа чистильщиков или отряд разведки Барьерной армии.

Лишь одна деталь смущала Лешего. Поначалу он не обратил на нее внимания, но когда эту же особенность подметил и озвучил Яковлев, Леший тоже задумался над этим странным фактом.

– Выглядят, как братья, – пробурчал жженный. – Мордастые все, как один, косая сажень в плечах. «Бройлеры», а не бойцы.

- Точно, – поддакнул Толмач. – Качественное мясо, без жирка.

- Поди, гормонами накачанные, – предположил Яковлев.

- Крупнее мишень, легче попасть, – выдал очередной философский шедевр Лосев.

– Быстро идут, – наконец, внес свою лепту в обсуждение Леший. – В обычных комбезах, без усилителей, а мчатся на мировой рекорд.

– Причем не напрягаясь, – сказал Яковлев. – Говорил же, смываться надо. Не нравятся мне эти «бройлеры».

– Не бздеть, сынки, справимся, – строго одернул его Семен Семеныч. – Слышал я про такие дела. Трудно этих мордovorотов одолеть. Сильные они, боли не чувствуют, живучие, как коты... Но на любую силу своя сила найдется. В нашем случае – сила духа. Если не струсим, все у нас получится. Подпустим ближе и шарахнем залпом. Без коробок они никто, просто пехота.

- А если с коробками? – вдруг спросил Толмач. – Я один это вижу, что ли?

Нет, изменения на левом фланге засек не один лишь Толмач. Механическое движение увидел и Леший, а затем и Лось. Вот только Леший не рискнул приписать машины, движущиеся наперерез «бройлерам», к той же группировке военных. Сомнения сталкера подтвердил Лосев.

- Это не военные, – заявил Федор. – Это биомехи.

- Семеныч, не ты вызвал подмогу? – с усмешкой спросил Толмач.

– Навалиет такая подмога и нашим, и вашим, – пожилой сталкер с досадой сплюнул. – Теперь держитесь, ребята.

До определенного момента держаться «ребяткам» пришлось только за уши, чтобы не оглохнуть. Биомехи открыли огонь с ходу, но не по позициям сталкеров, а по наступающей группе людей в полувоенной униформе. Фонтаны грязи, вспышки плазменных взрывов, дым и черная водяная пыль на время превратили территорию близ Копачей в адский котел, в котором закипает смертельно опасное варево. Теоретически после такой артподготовки биомехи могли с чистой совестью разворачиваться к югу и переть напрямиком на сталкеров. От «бройлеров» не должно было остаться и клочьев. Но чугунки не развернулись. Они продолжили движение в

северо-восточном направлении, не прекращая огонь и не отклоняясь от прежнего маршрута ни на сантиметр.

Леший покачал головой. Биомехи вели себя странно. Их и прежде было трудно понять. У модернизированных Узлом машин логика становилась извращенной, и постичь ее с помощью обычной человеческой соображалки не получалось. Но в данном конкретном случае машины и вовсе творили нечто запредельное. Они месили грязь десятками гусениц и сотнями колес, поливали ее из всех стволов огнем и перепахивали свинцом, пытаясь закопать в эту липкую субстанцию всего-то взвод легкой пехоты.

Все равно что люди подогнали бы батальон огнеметных танков и скомандовали «Огонь!», чтобы уничтожить одно осиное гнездо. И это вместо того чтобы подойти и брызнуть аэрозолем вроде «дихлофоса». В случае с «бройлерами» биомехи наверняка могли обойтись небольшой группой рапторов во главе с парой бронезавров. Или одним залпом легких плазменных ракет. Шарахнули по площадям и катите себе дальше по своим чугунным делам.

Ан нет. Устроили тут, понимаешь, предбанник ада, никак не меньше. И чего ради?

Канонада вдруг стихла, и Леший тут же выглянул из укрытия. Грязный дождь, водяная пыль и облака пара еще метались над полем, но кое-что сквозь эту завесу уже проступало. В первую очередь контуры биомехов.

До трех десятков тяжелых бронемашин, так называемых носорогов, несколько танков-бронезавров и неисчислимое количество жестяной пехоты: шагающих ботов-андроидов и шестиногих крабов, прочесывали перепаханные руины Копачей буквально по сантиметрам. Казалось, биомехи намерены отыскать и уничтожить малейшие фрагменты тел и экипировки погибших людей. Чтобы уж наверняка. Чтобы, как говорится, и духу не осталось. И это выглядело странным вдвойне. То есть поведение чугунков вызывало все новые и новые вопросы.

А уж сколько появилось у Лешего вопросов, когда биомехи добрались до южной окраины поселка! Неизвестно, откуда, из каких укрытий выскочили эти бойцы, обожженные и перемазанные землей, как черти, но появились они эффектно и оказались вполне бодрыми и боеспособными. Что и продемонстрировали биомехам.

Бой на минимальной дистанции с применением всех видов легкого оружия, от импульсников и лазерных армганов до «фричей» и «плетей», выглядел, как батальная сцена из качественного фильма. «Бройлеры» дрались красиво и практически без усталости. Они крошили чугунков направо и налево, зачастую бросаясь на противника с одним лишь «фричем», надевшим на руку наподобие перчатки. Такие эпизоды выглядели со стороны особенно эффектно. Боец проламывал толстую броню кулаком в зеленоватой перчатке, ухватывал внутри корпуса горсть каких-нибудь электронных внутренностей биомеха и вырывал с корнем.

Впрочем, не менее эффектно смотрелись очереди из «Шторма» в упор, которые сносили ботам башни, а в кабинах носорогов проделывали огромные рваные дыры. Да и как с помощью армганов бойцы шинковали «крабов» на крабовые палочки, тоже выглядело занятно.

Да, люди тоже несли потери. Но это происходило редко. А вернее, биомехи почему-то никак не могли их убить. Эти перекачанные спецназовцы, словно легендарные суворовские солдаты, продолжали сражаться, даже когда по всем законам природы им следовало упасть и умереть. Они даже переплюнули тех солдат, для которых требовалась пуля, чтобы воин упал, и еще одна, чтобы он умер. Леший видел своими глазами, как продолжал драться боец, продырявленный в десяти местах, в том числе две дырки зияли у него в шее. Как и положено, из ран текла кровь (не хлестала, не вырывалась толчками, а лениво подтекала), человека трясло от боли или от гнева, постепенно он сдавал. Все свидетельствовало о том, что это не робот, не зомби, а нормальный живой человек. Но вместе с тем этот человек демонстрировал чудеса героизма, на которые явно неспособны нормальные живые люди.

Примерно на пятой минуте схватки на поле боя установилось положение неустойчивого равновесия. Биомехи не умели отступать, поэтому не обратили внимания на факт, что

люди почти уравнивали шансы. Люди увлеклись, поэтому тоже не заметили изменений. Зато это отлично видели со стороны невольные зрители жестокого спектакля.

– Сейчас в правый фланг ударить бы, и конец чугункам, – с нескрываемым азартом проронил Толмач.

– Это у мордастых, похоже, по девять жизней, – проворчал Яковлев. – А лично у меня одна. С каких это радостей я должен ввязываться?

– Скучный ты, Яшка, – Толмач усмехнулся. – Не ценишь веселье в жизни.

– Мне сама жизнь как-то дороже, чем веселуха. Хочешь повеселиться – вперед! Кто тебя держит?

– Не стоит, Толмач, – спокойно пробасил Лосев. – Демаскируешь нас.

– Я скрытно отойду, – пообещал Толмач. – Не могу сидеть, пацаны, руки чешутся!

– Толмач!

– Всем привет! – сталкер быстро сполз в ближайшую неглубокую расщелину, которая, змеясь по западной окраине поселка, вела примерно в сторону поля боя.

– Вот стервец! – сердито проронил Яковлев. – Если уж загорится в жопе, не остановишь его! Ну, и что будем делать?

– Поддержать надо бы стервеца, – сказал Семен Семеныч и укоризненно посмотрел на Яковлева, а затем на Лешего. – Подставил он нас, разговора нет, но вы же сами сталкеры, у самих души жженые, неумные. Понимать должны товарища.

– Горазд ты, Семеныч, пули отливать, – Яковлев отрицательно помотал головой. – Но сейчас не убедил.

– Расслабьтесь, – сказал Леший, сползая в траншею, по которой умотал Толмач. – Помогу неумному. Один помогу. А вы здесь подождите. Прикроете, если что.

– Прикроем, – пообещал Яковлев, явно довольный тем, что ему не нужно ползти на подмогу Толмачу.

Леший нагнал Толмача в тот самый момент, когда ситуация вновь изменилась. Неведомое командование биомехов все-таки заметило, что люди выравнивают положение, и тоже ввело в бой резервы. Причем более существенные, чем скромная засадная группа из двух сталкеров. Над полем боя прошли на малой высоте два дракона в сопровождении десятка гарпий – бывших беспилотных самолетов-разведчиков.

Увидев летающие машины, Леший на миг притормозил. Драконы не напрасно получили свое название. Бывшие боевые вертолеты, изуродованные Узлом и увешанные орудийными подвесками, как елки игрушками, выглядели худшими исчадиями механического ада. Один их вид вгонял в легкий ступор даже опытных бойцов. Но Леший сумел справиться с эмоциями и продолжил путь к полю боя.

Не так страшен черт, как его малюют. В активе сталкера уже имелся опыт сражения с драконом один на один. Было трудно. Однако Леший выжил и условно победил. Сбить не сбил дракона, но заставил ретироваться. Получилось раз, получится снова. Наверное.

До схватки с драконом дело не дошло. Сталкер просто опоздал. С летающими монстрами разобрались все те же «бройлеры». Толмач и Леший только выбирались из траншеи, когда дело было сделано, «бобик сдох».

Несколько выстрелов из подствольников снарядами с «фричем» буквально развалили на части одного дракона и основательно повредили орудийные подвески другому.

Обломки летающей машины рухнули точно в центре поселка, и, невероятно, но факт, этот металлический дождь послужил для биомехов чем-то вроде сигнала к отступлению. Леший поначалу отказывался поверить своим глазам, но когда основная ударная сила чугунков – бронезавры дали задний ход, сомнений у сталкера не осталось. Отряд непонятного спецназа навалил железкам по полной программе и заставил их отступить.

– Эх, черт, опоздали, не удалось повеселиться, – поднимаясь в полный рост, сказал Толмач. – А такая буча была! Красавцы чистильщики, просто красавцы!

– Ты не светился бы, – осторожно сказал Леший. – Еще неизвестно, какие установки у этих красавцев насчет вольных сталкеров.

– Да брось, Леший, – отмахнулся Толмач. – Не помогли, так хоть руку пожмем этим пацанам. Они заслужили...

Толмач не закончил фразу. Неожиданно из-за ближайшей к сталкерам груды искореженного, дымящегося металла – еще пять минут назад это был бронезавр – вывернули трое чумазых, обожженных «бройлеров». Двигались бойцы быстро и решительно, держа при этом оружие на изготовку.

Лешему такая экспрессия пришлась не по душе. «Мордастые» вели себя так, словно продолжают боевую операцию.

– Мужики! – Толмач вскинул руку в приветствии. – Разрешите выразить свой...

– Толмач, ложись! – попытался остановить товарища Леший.

Толмач вновь оборвал фразу на полуслове. Похоже, он и сам понял, что мужики ведут себя недружелюбно. Но с отступлением или маневрами стalker опоздал. Толмач попытался сдать назад и спрыгнуть в траншею, но не успел. Бойцы открыли беглый огонь и в одну секунду буквально изрешетили сталкера.

В отличие от «бройлеров», Толмач умер сразу, еще не успев свалиться на землю.

Леший мгновенно вскинул «Шторм» и полоснул по бойцам очередью, затем еще одной, затем добавил, съехал в траншею, сменил магазин и снова полоснул, просто выставив «Шторм» над бруствером импровизированного окопа.

По крайней мере, двое врагов свалились, еще когда Леший врезал третьей очередью. Но один устоял на ногах и продолжил движение. Теперь перед Лешим стоял выбор, дожидаться, когда противник дойдет до траншеи, и врезать ему снизу вверх, или сменить позицию и уже с нового места попытаться достать врага новой очередью. Второй вариант казался более разумным.

Леший торопливо засеменял по траншее в западном направлении, пробежал метров пятьдесят и выглянул из овражка. Третий боец все еще шагал к траншее. На броне у воина зияли дыры, кое-где виднелись потеки темной крови, но «бройлер» шел ровно и уверенно, как заводной.

Леший пробормотал под нос ругательство и быстро выбрался из траншеи. Сидеть в яме становилось опасно. На помощь бойцу наверняка выдвинулись другие воины непонятного подразделения. Следовало как можно скорее уравнивать шансы. Проще говоря, вернуться к своим. Все-таки четыре ствола – это лучше, чем один. Да и позиция, на которой остались сталкеры, выглядела надежнее, чем неглубокий овражек.

Леший включил «пятую космическую», как он называл максимальный режим работы сервоусилителей ходовой части боевого костюма, и помчался к своим. «Бройлеры» открыли вслед ему огонь, но реально попасть в спину сталкеру мог только один боец; тот, которого Леший продырявил в отместку за Толмача. Остальным мешали груды железа. А этот боец, похоже, все-таки начал сдавать. Выстрелить он выстрелил, но пули просвистели далеко от головы Лешего.

– Толмач доигрался! – перепрыгивая через бруствер, крикнул Леший товарищам. – Готовьтесь, сейчас они...

Леший, как совсем недавно Толмач, оборвал речь на полуслове. А все потому, что разговаривать оказалось не с кем. Позиция Семеныча опустела, и нигде поблизости пожилой сталкер не мелькал. Там, где недавно сидел Лосев, растекалась лужа свежей крови, но самого Федора поблизости также не наблюдалось. Единственным, кто остался на месте, был Яковлев. Но и с

ним поговорить Леший больше не мог. Яковлев лежал, раскинув руки, ноги... и голову. При чем голова откатилась метра на три.

А в ногах у труп стоял тот, кто лишил Яковлева головы. Грязный, окровавленный боец уже знакомого Лешему телосложения. «Бройлер» не сжимал в руках никакого оружия, поэтому Лешему оставалось предположить, что голову Яковлеву этот зверь оторвал голыми руками.

Недолго думая, сталкер вскинул «Шторм» и всадил в грудь «бройлеру» все оставшиеся пули. Очередь из импульсника в упор – это серьезно, свинцовый шквал вынес бойцу все внутренности, но и после этого «бройлер» умудрился сделать пару шагов навстречу Лешему и протянул к нему руки. Лишь не найдя опоры в виде шеи сталкера, он рухнул ничком, забрызгав все вокруг липкой грязью.

Выглядело это жутко. Леший невольно сделал шаг назад...

И тут же поплатился за свою секундную слабость. Чудовищной силы хватка зафиксировала сталкера на месте. В следующий миг хватка усилилась, и у Лешего затрещали кости. Не спасла ни броня, ни отработанные долгими тренировками приемы освобождения от захвата. Сталкеру казалось, что он попал в тиски. На миг Леший запаниковал, но сумел совладать с эмоциями и сосредоточился на единственном варианте дальнейших действий.

Если силу нельзя одолеть силой, следует противопоставить ей нечто более высокого уровня. Допустим, кое-что из секретного арсенала. Того самого, что появился в распоряжении Лешего после вживления второго импланта. Из арсенала загадочного старого сталкера.

Леший смежил веки и позволил вспомогательному компьютерному импланту полностью взять под контроль тело и разум. Враг за спиной вроде бы и не ослабил хватку, но ситуация непонятным образом изменилась к лучшему. Сначала Леший почувствовал, что может вдохнуть полной грудью, затем вдруг легко вывернулся из захвата и сам очутился позади нового противника.

Враг явно не ожидал такого поворота событий. Он попытался резко обернуться, но Леший не позволил ему даже дернуться. Он крепко ухватил «мордастого» бойца за голову и резко вывернул его подбородок вправо и вверх. Чтобы все это проделать, Лешему пришлось вложить все силы, да еще врубить на полную мощность сервоусилители. Хрустнуло в шее у противника громко, дернулся он, как и положено, всем телом, но свалился только после того, как Леший сильно толкнул его в спину.

– Что ж вы за люди такие?! – Леший поднял щиток шлема и утер со лба испарину.

Вместо ответа Леший получил новый неожиданный удар. Теперь между лопаток. Огрели его так, что сталкер забыл, как дышать, да еще и пролетел метров десять на бреющем полете.

Прокол объяснялся просто. Какими бы ни были здоровенными и тяжелыми детинами эти «бройлеры», двигаться они умели бесшумно, что говорило о неплохой подготовке.

Группироваться Леший не стал, не та ситуация, поэтому шлепнулся плашмя и проехал на животе еще пару метров. Хорошо, что на месте приземления не оказалось острых обломков или камней. А еще хорошо, что остановился Леший буквально в метре от края глубокой и широкой трещины в земле.

Это был тот же овраг, в который Леший съехал на пятой точке, когда только прибыл на место принудительного сбора пятерки жженных сталкеров. Но в этом месте расщелина имела метров двадцать глубины и на дне ее, между острыми камнями плескались лужи бурой ядовитой грязи. Вонючая грязь была насыщена всякой химической дрянью, да еще и кипела, в результате чего из расщелины поднимались клубы едкого пара.

В общем, свалиться в эту канаву представлялось сомнительным удовольствием. Полчаса продержаться на дне было можно (если не попадешь точнехонько в бурлящее варево и успеешь наглухо задраить боевой костюм), а вот дольше – верная смерть. У фильтров ресурс не бесконечен.

Леший отполз от края, перевернулся на спину и прыжком поднялся на ноги. Новый противник двигался быстро, однако сталкер успел не только встать на ноги, но и принять боевую стойку. И даже грозно зыркнул на «бройлера». Так, для профилактики.

Врага ничуть не смутили быстрота, ловкость и грозный вид Лешего. Он ответил «асимметрично». Противник не стал принимать всякие там стойки, сурово хмуриться и исполнять киношные трюки. Он тупо бросился на Лешего и начал молотить сталкера прикладом «Шторма». Когда же сталкер умудрился выбить оружие у бойца из рук, тот просто принялся охаживать противника пудовыми кулачищами.

Леший парировал удары, бил в ответ, пытался обратить энергию противника против него самого, подсекал, перехватывал и заламывал врагу конечности (пару раз он отчетливо слышал хруст костей), но существенного успеха так и не добился. Даже то, что Леший умудрился вогнать нож между сочленениями бронеplatten на животе у врага, не повлияло на исход схватки. Противник обломил нож у самой гарды и небрежно отбросил рукоятку. И вся любовь.

Единственное, что снова реально помогло Лешему, так это забытое современными бойцами искусство бесконтактного боя. Если б не база данных старого импланта, Леший тоже не знал бы о таком неоднозначном и почти мистическом виде борьбы. Вернее, знал бы, что такое направление вроде бы существовало и даже использовалось спецназом, но в достоверность этой информации не верил бы, как не верит в нее большинство бойцов нового поколения.

В частности, в реальность бесконтактного боя явно не верили и те, кто обучал этих «бройлеров». Когда Леший, наконец, понял, что иначе ему удачи не видать, и целиком сосредоточился на этом виде боя, противник существенно умерил пыл. Он определенно не понимал, что ему следует делать. Как атаковать врага, если руки не слушаются, ноги подкашиваются, а вестибулярный аппарат ведет себя, как подлый предатель, заставляя небо и землю плясать и меняться местами?

До победы Лешему оставалось не больше трех секунд, он уже заставил противника подойти к краю ядовитой расщелины, одно движение – и тот рухнет, но фортуна вдруг снова выкинула кунштюк. На помощь бойцу пришли товарищи. Да не пришли и вступились за друга с кулаками, а сделали это с безопасного расстояния и с помощью огнестрельного оружия.

Две пули ударили Лешему в плечо, а третья вскользь задела шлем. Сталкер на какое-то время «поплыл», потерял равновесие и начал заваливаться назад.

Единственное, что ему удалось, это схватить «бройлера» за разгрузку и сначала им прикрыться, а затем, когда под ногами осыпался край оврага, использовать противника в качестве подушки безопасности.

Уже в полете Леший умудрился подмять врага под себя, поэтому, когда сцепившиеся бойцы рухнули на острые камни на дне оврага, сталкеру досталось гораздо меньше, чем его противнику.

Автоматика боевого костюма, несмотря на встряски и пулевые повреждения, сработала штатно. Фильтрующая маска тотчас переключилась в изолирующий режим, а продырявленный участок брони затянуло толстым слоем активного пластика. Но вот чего автоматика не помогла избежать, так это нокдауна, в который на некоторое время провалился Леший. Все-таки пуля по шлему, а затем падение с двадцатиметровой высоты – это вам не прыжок с бортика в бассейн. Тело противника смягчило удар о камни, но не спасло от основательной встряски.

С полминуты сталкер беспомощно ворочался, с ужасом наблюдая, как тело врага медленно погружается в бурю кипящую грязь и как эта ядовитая жижа начинает расписывать уродливым узором собственную броню Лешего. Затем оцепенение прошло, импланты, как смогли, уняли боль в простреленном плече, а здоровая рука и ноги вновь начали слушаться.

Леший тут же принялся карабкаться по скользкому склону и торчащим из него кускам раскаленной породы наверх, навстречу нормальному грунту, черной грязи и дождю, который не долетал до дна этой расщелины, превращаясь на лету в ядовитый пар. Кроме перечисленных

относительно приятных вещей наверху Лешего поджидали еще и неприятности вроде обозленных «бройлеров». Но драться с людьми и сражаться со стихией – это разные вещи. В первом случае имелся шанс даже против сотни, а второй случай не имел перспектив вообще. Из двух зол приходилось выбирать меньшее.

Подъем давался с трудом, здоровая рука и ноги то и дело соскальзывали, грунт осыпался, камни крошились, несколько раз Леший съезжал на дно, и ему приходилось начинать все сначала. Но сдаваться Леший не собирался. Это просто не имело смысла, а бессмысленность сталкер ненавидел больше, чем бесперспективную работу.

Прошло минут двадцать, прежде чем Леший все-таки добрался до края оврага. Ему оставалось совершить всего одно героическое усилие – и вот оно, спасение, но...

Нет, Леший не сорвался и не съехал в очередной раз на дно, однако и выбраться он не сумел. На правой ноге вдруг повисла тяжеленная гирия, которая намертво зафиксировала сталкера в положении сталактита, висящего на краю обрыва. То есть в положении совершенно неподвижной окаменелости. Леший старался изо всех сил, усилители работали на пределе, но «гирия» оказалась слишком тяжелой, да еще, похоже, упиралась в торчащие из склона камни, не позволяя сталкеру покинуть расщелину.

Очень не вовремя вернулась боль в простреленном плече, и Леший рискованно повис на одной руке. Если бы прицепившийся к ботинку противник просто болтался мертвым грузом, сталкер мог и потерпеть, но враг тянул вниз, и Лешему срочно требовалось что-то предпринять. Он что есть силы двинул свободной ногой, пытаясь сбить «гирию».

Повисший на ноге у Лешего боец стойко выдержал сокрушительный удар и не разжал захват.

Сталкер взглянул вниз. Картина ему представилась неприятная до холодных мурашек. Повисший на ноге «бройлер» выглядел, как кусок тщательно отбитого и пережаренного мяса. Боевой костюм его был изодран, из спины у человека торчали сломанные ребра, кожа и мышцы тлели, пузырилась кипящая кровь, лицо бойца обуглилось, глаза превратились в мутные белые шары. Но человек все еще был жив. Более того, он пытался подняться повыше, цеплялся уже за пояс Лешего и явно тянулся дальше, к горлу врага.

Сталкер стиснул зубы и рискнул во второй раз. Он собрал волю в кулак, попытался внушить себе, что боль ушла, а затем попробовал пошевелить простреленной рукой. Получилось не очень хорошо, но все-таки получилось. Худо-бедно рука по-прежнему работала.

Воодушевившись, Леший попытался отцепить пальцы умирающего «бройлера» от своего пояса. Удалось это только после того, как последние силы все-таки оставили бойца и он отдал богу душу. Продержись парень еще хотя бы минуту, схватка осталась бы за ним. Второго падения на дно оврага Леший мог не выдержать.

Сталкер уцепился за край оврага обеими руками, напружинил мышцы и вдруг понял, что не может подтянуться. Но причина крылась не в том, что Лешему прострелили плечо, хотя и это мешало, да еще как. Ведь доработать тело Лешего Механик сумел, но боль и рефлексы бородатый кудесник не отменил. Однако сейчас причина сбоя оказалась и вовсе банальной. На освобождение от «гири» ушли все силы. Леший чувствовал себя полнейшей тряпкой, причем выжатой досуха. Вот так глупо. В метре от цели – и ни капли сил.

Леший запросил у компьютера данные о заряде аккумулятора. «Сердце зверя» тоже было разряжено «в ноль». Мягко говоря, ситуация складывалась патовая. Теоретически Леший мог защелкнуть сочленения бронепластин в боевых перчатках и висеть на краю обрыва, пока не отдохнет. Но запас кислорода в резервном баллоне подходил к концу, и без аккумулятора не работала система охлаждения. Да и кровь из раны подтекала, а с ней утекали и остатки сил, уже не физических, а просто жизненных. Получалась такая игра «на тоненького». Что случится раньше, отдохнут перетруженные мышцы или закончится воздух, перегреется броня и станет критической кровопотеря?

Если второе (плюс третье и четвертое), то Лешему оставалось коптить небо (в прямом смысле) не намного дольше, чем упавшему на дно оврага противнику.

«И уже не будет иметь значения, глупо пропаду или нет. Да вообще ничто не будет иметь значения. А жаль. Хотелось бы еще многое успеть. Очень многое. Что конкретно? Да хотя бы понять, с кем же я все-таки имел дело? Или с чем. Нет, наверное, с кем. Да, понятно, что обычный человек на такое неспособен, но это был и не сталтех, и не морбот, или еще какое-то подобие Трояна или другого суперскорга. Это точно. Этот берсерк состоял из плоти и крови, только был явно чем-то накачан. Одно непонятно, как химическая накачка может настолько усилить кости, мышцы и сухожилия, чтобы они выдерживали спор с современной броней, которую эти «бройлеры» рвали практически голыми руками? А еще непонятно, кто и зачем накачал этих парней гормонами и всякой химией? И почему натравил на нас? Загадка на загадке. В общем, жаль и себя, и всех этих загадок без отгадок, но, похоже, сегодня не мой день. И вся дальнейшая жизнь не моя...»

Леший ощутил, как уходит боль, увидел, как сужается поле зрения, как начинает мерцать, а затем и потихоньку выключается «картинка», почти физически почувствовал, как зависает основной имплант и как снова включается в работу дополнительный. Последний факт на миг внушил Лешему робкую надежду, все-таки второй имплант не раз выручал хозяина и в более сложных ситуациях, но надежда очень быстро испарилась. К сожалению, второму импланту уже практически не с кем было взаимодействовать.

Сознание отключилось, тело обмякло, и Леший рухнул в...

Леший не понял, куда он рухнул и рухнул ли вообще. На самом изломе, когда восприятие уже почти свернулось в точку, он успел заметить нечто вроде предсмертного видения или фрагмент яви, сталкер так и не понял, что это было. Лешему показалось (или нет?), что с края расщелины свесился и тянет руку убитый «берсерк». Но теперь он протягивал руку не к горлу Лешего, а предлагая помощь.

* * *

Холодный бетонный пол впитывал тепло, как губка впитывает воду. Казалось, еще пять минут, и все, конец, тело превратится в сосульку. Леший понимал, что надо пошевелиться, и тогда все будет хорошо, но шевелиться не хотелось. Зачем? Это ведь так приятно – лежать, прижимаясь горячей щекой к прохладному полу, ни о чем не думать и ни к чему не стремиться. Нирвана. А перспектива замерзнуть – это дело десятое. Чему быть, того не миновать. И незачем дергаться.

Взгляд немного прояснился, и в поле зрения волшебным образом материализовался еще один кусок интерьера. Серая стена. Тоже бетонная.

По стене медленно полз солнечный зайчик. Явление само по себе странное, ведь в любой из локаций Зоны Смерти солнечный свет редко пробивается сквозь вечные тучи. Поэтому Леший не видел солнечных бликов давным-давно, но больше всего сталкера заинтриговала траектория движения зайчика.

Пятно света медленно поднималось от пола к высокому потолку, на миг замирало, резко опускалось обратно к полу и вновь начинало свое движение вверх. Прямо-таки иллюстрация к жизни Лешего. Взлет, падение, снова взлет, и все это в пределах одной «серой стены», гравитационного Барьера, ограждающего Зону. В данный момент «солнечный зайчик» в жизни сталкера только-только рухнул вниз, и теперь исключительно от Лешего зависело, поползет он к потолку или так и угаснет на бетонном полу какого-то непонятого каземата.

Сталкер вздохнул и чуть поднял голову. Конечно же, поползет вверх. Упрямый он, этот воображаемый заяц. Просто не заяц, а баран. Но на том и держится сталкер Леший, тем и

берет. Куда бы ни рухнул, на какую глубину ни свалился, а все равно встает и вновь карабкается вверх. Уж такая у него натура.

Леший подтянул к животу порядком затекшие ноги, кое-как оперся на руки, сгруппировался и встал на колени. Все мышцы ломило, голова шла кругом, от холода изрядно потряхивало, но в целом Леший чувствовал себя скорее живым, чем мертвым. И это обнадеживало.

Сталкер окинул взглядом экипировку. Когда-то он уже приходил в себя примерно в таком же виде. Ни оружия, ни брони, ни хабара и россыпи полезных вещичек в карманах. Ничего. Только белье, «хэбэшка» и ботинки. Но при этом и никаких следов ранения. Ни на одежде, ни на теле.

Леший ощущал плечо. Пулю в это место он ловил не впервые. Полгода назад один ловкий биомех продырявил сталкера из лазерника. Тогда все обошлось, зажило, как на собаке. И теперь произошло то же самое и даже быстрее.

Леший поднял руку, опустил, сделал пару упражнений. Рука слушалась, в плечевом суставе ничего не скрипело и не пощелкивало. Полный порядок.

Сторонний наблюдатель наверняка удивился бы такому чудесному выздоровлению. Но Леший отлично знал, в чем фокус, поэтому только удовлетворенно хмыкнул. Дело Механика жило и побеждало. Все, чем напичкал этот кудесник тело Лешего, исправно работало на благо сталкера.

«Хотя не совсем исправно, – подумал Леший, озираясь по сторонам. – Вернее, не настолько быстро, насколько обещал Механик. Восстановился бы вовремя, не попал бы в этот каменный мешок».

Сталкер медленно, но без особого труда, поднялся на ноги и повертел головой. Каменный мешок оказался довольно просторным, по площади не меньше хоккейной коробки. Леший стоял у одной стены и не видел противоположной, хотя освещение в каземате следовало признать удовлетворительным. Под высоким, примерно шести или семиметровым потолком горели несколько ртутных лампочек.

Сталкер присмотрелся повнимательнее и понял, что помещение имеет еще одну особенность, так называемый «второй свет». Вдоль стен по всему периметру на высоте трех метров шла балюстрада, этакий огороженный метровыми перилами балкончик. Лестниц, чтобы подняться на этот балкончик, Леший не обнаружил, зато увидел несколько дверных проемов, которые чернели в левой стене: два на первом этаже, третий на балконе почти точно над ними.

В целом помещение имело сходство со спортивным залом, только без инвентаря и игровой разметки на холодном полу.

Леший немного постоял на месте, затем медленно прошелся в направлении центра зала, остановился и снова осмотрелся. Шаги звучали гулко, как и положено, а вот освещение почему-то вновь выкинуло фокус. Правда, на этот раз обошлось без солнечных зайчиков, неуместных в лишенном окон помещении.

Суть нового фокуса заключалась в том, что свет потолочных ламп померк, затем непонятным образом слился в один поток и сфокусировался на том месте, где стоял Леший. Сталкер будто бы попал в световое пятно прожектора.

«Весь вечер на манеже? – Леший невесело усмехнулся. – Интересно, что дальше?»

Дальше произошло то, чего и следовало ожидать. На балкон вышли зрители, а на «манеже» появились клоуны. Зрителей набралось немного, всего лишь три человека, зато «артистов цирка» из правой двери нижнего яруса высыпало не меньше десятка. Лешему не пришлось присматриваться, чтобы понять, что в роли «манежных» выступают хорошо знакомые «бройлеры».

На этот раз похожие друг на друга, как братья, перекачанные бойцы не имели оружия и брони, но двигались они все так же решительно и быстро. Не проронив ни единого звука, враги

окружили Лешего и замерли в простейших стойках, наподобие тех, которым обучают любого чистильщика во время курса молодого бойца.

Леший отлично понимал, что эта простота обманчива, на самом деле «бройлеры» умели гораздо больше простых чистильщиков, но почему-то этот факт сталкера не испугал. Когда ты знаешь, на что способен противник, бояться нет смысла. Есть смысл выбрать эффективную тактику противодействия. Так Леший и поступил.

Он церемонно поклонился врагам и тут же отбросил все лишние мысли, полностью передав контроль над телом второму импланту. Сталкер владел этим нанокomпьютером уже почти год, привык к нему, как к родному, но до сих пор ощущал нечто вроде легкого трепета, когда странный имплант включался на полную катушку. Мало того что Леший в этот момент терял связь с реальностью, чувствуя себя сторонним наблюдателем, так он еще и слабо понимал, как человеческое тело может выполнять трюки, о которых не слыхивали, наверное, даже самые опытные каскадеры доисторического Голливуда.

«Бройлеры», вопреки ожиданиям Лешего, повели себя совсем не так, как в поле. Не набросились толпой, а синхронно поклонились в ответ и атаковали по нарастающей, сначала одним бойцом, затем спаркой, а секундой позже в атаку пошли сразу трое. Воины явно выполняли установку неведомого тренера – скорее всего, одного из людей, наблюдавших за схваткой с балкона.

Что ж, Леший никогда не отказывался драться по правилам. Этот вариант он рассматривал, как некий десерт, шоколадное удовольствие после тушенки.

Первого бойца Леший даже не тронул. Просто заставил его потерять равновесие и упасть на спину. При этом Леший мысленно придержал руки бойца, чтобы тот не сумел «отбиться» и смягчить удар, поэтому парень крепко приложился о бетонный пол спиной и затылком.

Спарку Леший столкнул, да так сильно, что парни отскочили друг от друга, как мячики. С ног это столкновение их не свалило, но вектор они потеряли и проскочили мимо Лешего. Сталкеру оставалось только устроить им «нахштосс», удар вслед, что Леший и выполнил. Он резко раскинул руки, будто бы изображая распятие, и одновременно врезал обоим бойцам кулаками в затылок.

В памяти импланта промелькнуло короткое воспоминание. Прежний владелец когда-то проделывал такой трюк с ножами.

В атаку бросилась тройка, и Леший вновь сосредоточился на боевой задаче (а вернее, просто отреагировал на уровне подкорки). Тело будто бы само по себе взвилось в воздух, и Леший выполнил сальто, перемахивая через центрального. Бойцы отреагировали мгновенно, сталкер еще набирал высоту, а они уже перестроились, чтобы достойно встретить ловкого акробата, когда тот приземлится...

Но не тут-то было. Леший (а вернее, его имплант) просчитал реакцию «бройлеров» заранее, поэтому в верхней точке пируэта сталкер резко подался влево, попутно как бы цепляя центрального за голову. Движение рук получилось неуловимо быстрым и точным. Леший нанес легкий двойной удар противнику в шею, целя в проекцию сонных артерий. Боец дернулся, обмяк и свалился тяжелым кулем на пол. Левофланговый, получив от приземляющегося Лешего ногами в грудь, отлетел далеко в сторону. А третий очутился в партере после того, как сталкер, упавший на пол, засветил ему кулаком между ног.

Новая волна атаки последовала незамедлительно, но Леший успел прыжком встать на ноги и принять бой сразу с пятью оставшимися воинами.

Одни бойцы молотили тяжело и прямо, другие пытались зайти с тыла, а затем обездвижить Лешего, наваливаясь с флангов, но все их усилия оказались тщетными. Сталкер перетекал по бетонному рингу, как ртуть. Бойцы не просто мазали и запутывались в собственных комбинациях, они еще и периодически отоваривали друг друга. Причем каждый раз от товарища очередному «бройлеру» доставалось не вскользь, а от души, акцентированно, хлестко.

Вся эта катавасия длилась примерно минуту. Потом вдруг послышалась непонятная, но громкая команда, и «бройлеры» резко сдали назад.

Ненадолго в зале воцарилась тишина, которую нарушало лишь тяжелое дыхание девяти бойцов и шорох одежды десятого, приходящего в себя после нокаута, который ему устроил Леший в момент выполнения сальто.

– Я понял вашу мысль, инструктор, – вдруг донеслось с балкона. – Но это не новый вид боя. Скорее наоборот, давно забытый.

– Я вам так и сказал – старый стиль. Так его и описывают.

– Кто описывает?

– Да все. Даже американцы его в программу подготовки рейнджеров включали. Название переводить не стали, «Staryi-stile» обозвали. Правда, так и не освоили.

– Не понимаю, где этот двортерьер мог обучиться такой мудреной технике боя. Думаю, ему просто повезло случайно выучить пару приемов. Дайте им ножи.

– Это рискованно, командир.

– Вы боитесь снова утратить этот стиль?

– Я боюсь остаться без лучших бойцов.

– Значит, вы ошибаетесь, и это не лучшие бойцы. Дайте им ножи. Назовем это финальным испытанием, выбраковкой.

Леший вздохнул и покачал головой. «Балконное» начальство совсем не дорожило подчиненными. А ведь в них наверняка было вложено немало сил и средств. На одни анаболики должна была уйти куча денег. Хотя чья это головная боль? Ну, не Лешего точно.

Сталкер проводил равнодушным взглядом одного из бойцов, который метнулся к двери и тотчас вернулся с «букетом» финок. «Бройлеры» вооружились и медленно двинулись по кругу против часовой стрелки, постепенно сжимая спираль вокруг Лешего.

Сталкер взглянул на силуэты зрителей и вновь покачал головой.

– Эй, на балконе, зря вы так!

– Увидим, – ответил командир.

Леший пожал плечами и, еще не завершив это нехитрое движение, начал новое. Очень быстрое и эффективное как раз в ситуации, когда тебя пытаются зажать в кольце. «Бройлеры» и глазом не моргнули, а Леший уже выскользнул из окружения и атаковал с тыла сразу троих ближайших к нему бойцов. На этот раз сталкер бил в полную силу, поэтому бойцам досталось как минимум по месячному больничному.

Оставшиеся шестеро быстро перестроились и атаковали, но закончили они все ничуть не лучше первой тройки. Даже хуже. Двоим Леший был вынужден сломать руки, а одному рефлекторно вернул брошенный нож.

Ну, то есть как вернул... Поймал на лету и бросил обратно. Точно в глаз.

Еще двое отделались легким испугом и нокдауном.

Последнего Леший обезоружил, зафиксировал в жестком захвате и поставил на колени так, чтобы зрители видели лицо бойца. Отнятый у «бройлера» нож Леший приставил ему к шее. Не приложил, как это делают киношные злодеи и привыкшие резать баранов бандиты, а приставил острие клинка к сонной артерии.

– Вот, и это его почерк, – негромко сказал инструктор. – А вы говорите, случайно... пару приемов...

– Теперь вижу, – нехотя согласился командир. – Убей этого растяпу, Леший. Он не прошел выбраковку. Как и все остальные.

– Я не его должен убить, – Леший убрал от горла бойца нож и несильно толкнул противника в спину. – Я инструктора должен убить, который этих пацанов обучал.

– С ним я сам разберусь, – пообещал командир. – Слышал, Бортник?

– Слышал. Бойцы на месте! Сталкер, левая дверь. Проходи!

- Ножик оставлю? – Леший вытер финку о рукав.
- Не пригодится.
- Ладно, – сталкер бросил нож и не спеша направился к двери.

Более-менее уцелевшие в схватке бойцы провожали сталкера взглядами, но Леший почему-то не чувствовал виртуального шлейфа ненависти, который повисает за спиной, если вслед тебе смотрят поверженные враги.

Сталкер покосился на бойцов и успел разглядеть лицо парня, которого командир разрешил убить. Боец сидел на корточках рядом с товарищем, которому сталкер «вернул» финку. На лице воина не отражалось почти никаких эмоций, а во взгляде читалась только усталость. И ничего больше. Ни боли, ни злости, ни хотя бы досады. У этого молодого парня был взгляд грубого старика, уставшего от жизни настолько, что он, казалось, завидовал товарищу, погибшему в этой безумной «выбраковке».

Леший отвел взгляд и толкнул левую дверь. Ему вдруг захотелось поскорее убраться из холодного спортзала, чтобы не видеть этого взгляда и поскорее забыть о кошмаре, который его вынудили тут устроить. А еще ему действительно захотелось прикончить инструктора и командира за то, что они так безжалостно бросили своих людей на верную гибель.

«И третьего зрителя до кучи. Может, он и ни при чем, но наблюдал, гад, спокойно. Не отвернулся ни разу. Значит, такая же погань, как и эти начальники».

За дверью Леший обнаружил довольно странное помещение. В отличие от бетонного спортзала, эта комната имела отделку. Только не кафельную или еще какую-нибудь знакомую Лешему по прошлой, мирной жизни, а пластиковую. Нет, не пластиковыми панелями. Стены покрывал активный пластик, точно такой же, как защитный слой, которым покрывают бронемашин чистильщики, да и прочие группировки, дорожащие своим автопарком. Только благодаря этому защитному слою бронемашин служили в Зоне достаточно долго, прежде чем их все-таки сжирала «механическая плесень» – дикие колонии нанороботов. Активный пластик использовался также и для защиты индивидуальной брони, ведь он потому и назывался активным, что мгновенно затягивал мелкие повреждения, не пропуская под доспехи механическую заразу, то есть все тех же нанороботов.

В общем, удивляться тому, что активный пластик применяется еще и в строительстве укреплений, не имело смысла, но лично Леший столкнулся с таким вариантом впервые. Обычно строители ограничивались бетоном и керамопластом. Впрочем, когда в комнате зажегся яркий свет, Леший понял, в чем подвох. Три из четырех пластиковых стен были прозрачными. Из бетона такого не вылепишь.

Слева и справа от сталкера сквозь полуметровую по толщине преграду из прозрачной пластмассы можно было разглядеть простейшие камеры: пара коек, умывальник, очко в полу. А вот если смотреть прямо, то прозрачной стеной отгораживался настоящий кабинет. С большим письменным столом, на котором стоял деловой набор-органайзер из какого-то полудрагоценного камня. Имелись в кабинете и стулья, и диван, и даже книжный шкаф, на полках которого стояли сотни коробок для хранения накопителей информации всех сортов и возрастов. От коробочек для информационных кристаллов до стоек для хранения флэшек и совсем уж допотопных оптических дисков. Этаким архив. Только бумажных накопителей информации здесь не хватало. В смысле самих книг.

Леший подошел к передней стене и остановился, разглядывая интерьер кабинета за «стеклом». Обстановка внушала уважение. В Зоне вся эта мебель стоила баснословно дорого.

«Хотя на Большой земле, наверное, тоже, – подумалось Лешему. – Явно старинная фурнитура. И органайзер на столе... вон какой на нем логотип, из чистого золота, наверное. Что, интересно узнать, он означает? «DRG». Корпорация какая-нибудь подарила. Они частенько так подмазываются. Сначала подарочек, потом услуга, потом еще что-нибудь вкусное, и все, ты на крючке. Если попросят о какой-нибудь мелочи, неудобно отказать. Подумаешь, выпи-

сать пропуск в запретный сектор или положить заявку на поставки продовольствия первой в стопке. Мелочь, а людям приятно. И ручеек подарков течет. Так и процветает коррупция. В Барьерной армии особенно».

Леший поймал себя на том, что почти уверен в принадлежности этой базы и ее личного состава вооруженным силам. Скорее всего, об этой базе знали не все, возможно, о ней не ведало даже командование чистильщиков, но по большому счету она явно принадлежала государству. То есть Леший за неправильное поведение мог легко схлопотать официальное обвинение. В чем? Да уж найдется, в чем обвинить. Не вопрос.

– Неплохая обстановка, да? – За стеклом показался человек в полувоенной форме.

В отличие от «бройлеров», этот мужчина выглядел умеренно накачанным и не брился наголо (седина в короткой стрижке резко контрастировала с гладким лицом без единой морщинки). Но двигался он с той же пластикой, что и бойцы. И даже голову наклонял, как те бойцы. Или скорее, наоборот, это они переняли его манеру двигаться и держаться.

– Нормальная, – ответил Леший. – Ты инструктор?

Оказалось, что прозрачная стена совсем не мешает прохождению звука. Сталкер слышал собеседника отлично. Собеседник тоже не жаловался на акустику. Он кивнул в ответ и подошел к стене.

– А ты Леший, сталкер со стажем, приятель полковника Терещенко, капитана Галимова и даже генерала Антоненко. Никого не забыл?

– Много кого. Но если перечислять военных, то я сержанта Гелашвили в первую очередь упомянул бы. С ним приятельствую. С остальными просто знаком.

– Хорошо, что ты на позитиве, Леший, – инструктор одобительно кивнул. – Легче будет договориться.

– Мне «красные» ничего не должны, потому и позитивно к вам отношусь. Точнее, относился, до сегодняшнего дня.

– А сегодня что, постный день?

– Сегодня? Скорее наоборот. Уж не знаю, кого вы в этих «бройлеров» превратили, может, отморожков последних по тюрьмам собрали, но все равно, думаю, перегнули вы палку. Нельзя так с людьми обращаться.

– Ах, вот ты о чем, – инструктор усмехнулся. – Гуманист нашелся. На войне, как на войне, Леший. У кого-то грудь в крестах, а у кого-то голова в кустах. Слыхал, наверное, в Отечественную войну штрафные батальоны были?

– Слыхал. И что? Это тоже штрафбат?

– Считаю, что так. Назад нашим бойцам ходу нет. Только кровью могут свою вину искупить. Вот и искупают. Так что ты не их жалеешь, а о своей голове побеспокойся. Договорились?

– Насчет этого, да. Но насчет всяких других договоров, притормози... Бортник, да?

– Да.

– А кто по званию?

– Сержант, инструктор по спецподготовке команды «сто один».

– Что за команда, не слышал ни разу, – Леший пожал плечами. – Хотя можешь не говорить, не моя забота.

– Теперь твоя, Леший. Как раз об этом разговор будет.

– Заманали вы, господа военные, честно говоря, – Леший вздохнул. – Весь позитив так и норовите разрушить. Ну почему, Бортник, как с вашим братом встречаюсь, обязательно вы меня чем-нибудь нагрузите?

– Кто везет, на том и возят, – инструктор усмехнулся. – Провалил бы разок задание, отстали бы мигом. Но ты у нас тщеславный и упрямый, скорее сдохнешь, чем дело провалишь. Вот и давит наше начальство на твои болевые точки.

– Спасибо за откровенность, – Леший скривился. – Обещаю исправиться. Вот прямо сейчас и начну.

– Не начнешь. – Бортник отошел от перегородки, сел на край стола и выудил из хитро устроенных недр ониксового органайзера небольшие песочные часы. – Во всяком случае, не сейчас. Время пошло.

Он поставил часы на стол и взглядом указал на сыплющийся песок.

– Ты о чем?

– Все о том же, Леший. Есть у моего начальства к тебе шкурный интерес. Удовлетишь его, свободен. Нет, значит, нет. Закроем лет на десять, и весь разговор.

– Ну, это понятно.

– А если понятно, включайся. Кроме свободы тебе еще и зарплату какую-никакую выплатят, пайковые, плюс документы нормальные сделают, пропуска, разрешение на оружие. Короче, на легальное перейдешь. Плохо, что ли?

– Ты, Бортник, пчел за мед не агитируй, говори конкретно, чего хочешь?

– Да все просто, Леший. Оформляем тебя инструктором, ты учишь наших... как ты сказал, «бройлеров»? Верно подмечено. Так вот, учишь наших «бройлеров» своим бойцовским премудростям, воспитываешь параллельно парочку умельцев себе на смену, и когда все срывается...

– Получаешь пулю в затылок, – Леший помотал головой. – Не пойдет.

– Сталкер, мы, конечно, иногда передергиваем, – инструктор сделался предельно серьезным, даже суровым, – но всему есть разумные пределы. Пустить тебя в расход – это заманчивый, но не самый правильный вариант. Кадры в Зоне утекают, как вода сквозь пальцы. Сегодня у нас есть бойцы и сержанты, завтра всех накроет одним медным тазом, придется набирать новых. И кто их будет обучать?

– Второй раз я на эти грабли не наступлю.

– А вот это другой вопрос. Ты спросил насчет пули в затылок, я ответил. Еще вопросы?

– Вопросов море, но это по ходу пьесы. Один задам, ответишь честно – подпишу контракт.

– Годится.

– В чем подвох? Я ведь могу при первом же удобном случае свалить и спрятаться так, что днем с огнем не найдете. На что рассчитываете? Кого-то в заложники возьмете?

– Не наш стиль, – Бортник поморщился. – Да и не поможет это. Знаем мы, как ты умеешь заложников освобождать и какие руины после тебя остаются.

– И что тогда? Колись, инструктор.

– Легко. До окончания срока контракта в тебе, Леший, будет сидеть еще один имплант, новейший, автономный, защищенный от взаимодействия с «механической заразой» и заодно с твоими управляющими имплантами. Если решишь сбежать, этот имплант тебя убьет. Все просто.

– Проще некуда, – Леший вздохнул. – Небось уже вживили, пока я в отключке валялся?

– Вживили, – инструктор кивнул. – Ты сомневался?

– Ничуть. А если я тупо заблужусь или попаду в ловушку биомехов?

– Ничего страшного не случится. Заблудишься – найдем, выручим. Мы своих инструкторов не бросаем, не расходный материал все-таки, не «бройлеры». Вердикт «Попытка к бегству» будет вынесен, только если ты оставишь своих бойцов и по собственной воле уйдешь в неизвестном направлении.

– А если потребуется совершить обходной маневр и бойцы будут в тот момент мне обузой?

– Выбирай другие варианты. Хотя бы один боец должен пойти с тобой. Команда «сто один» должна стать эффективным штурмовым отрядом, действовать в одиночку нашим бойцам не придется.

– Ты плохо знаешь Зону, инструктор. В ней очень часто приходится работать в одиночку.

– Согласен. Но это работа другой команды, разведывательной. Проявишь себя в нашем подразделении, переведем в команду «сто два», поделишься опытом с разведчиками.

– Мы так не договаривались.

– Мы пока никак не договорились. Перевод в «сто вторую» будет твоим сугубо личным делом. Отработаешь наш контракт, получишь амнистию, а дальше делай, что угодно. Можешь положить все заработанные у нас бабки в сейф до лучших времен, а пока они не наступили, зарабатывать дальше. Вольнонаемным в вооруженных силах неплохо платят. Особенно таким ценным специалистам, как ты.

– Вряд ли я задержусь в славных рядах ваших вооруженных сил.

– Наших, Леший, наших. Теперь эти силы и твои тоже. И последнее. Ты наверняка попытаешься избавиться от нового импланта, это нормально, но я не рекомендую. Это не будет расцениваться как попытка к бегству, это никак не отразится на твоей карьере, эта попытка даже не доставит тебе никаких болезненных ощущений. Но все равно не рекомендую.

– Почему?

– Бессмысленная трата времени и нервов, – инструктор пожал плечами. – Ты ведь ценишь свое время? И нервные клетки, как говорится, не восстанавливаются. Хотя в твоем случае, возможно, это и не так.

– Что же это за имплант такой хитромудрый? Дважды оплавленный?

– Узнаешь. В свое время. Ну, так что, мы договорились?

– Черт с тобой, Бортник. Договорились.

– Добро пожаловать на борт, инструктор Леший, – перешел на официальный тон сержант-инструктор. – Ваш кубрик – пятая дверь по коридору справа. Первая тренировка завтра в семь. Вестовой прибудет в шесть, проводит вас в оружейку и на склад, выберете экипировку.

– А где будем тренироваться?

– Инструкции получите перед выходом. Можете идти.

Слева открылась неприметная, но довольно толстая дверь, сделанная из того же странного пластика, что и стены. К удивлению Лешего, за левой прозрачной стеной не оказалось никакой тюремной камеры. Объемное изображение фальшивой комнаты было спроецировано в толщу прозрачной стены. На самом деле за левой перегородкой начинался длинный коридор со множеством одинаковых дверей.

Сталкер покачал головой, хмыкнул и неторопливо вышел из комнаты-аквариума в экономно освещенный коридор.

Пятая дверь справа открылась, как только Леший к ней приблизился. Видимо, вживленный сталкеру «военный» имплант служил еще и чем-то вроде электронного пропуска в помещения секретной базы. Во все? Вряд ли. Но Лешего это не волновало, его волновал только один доступ: в оружейную комнату. Который будет открыт завтра утром.

«Вот утром и посмотрим, кто царь этой горы, – Леший незаметно усмехнулся. – Имплант они мне вживили. Вживляльщики! А то, что ко мне никакая механическая зараза больше не пристает, вы учли, орлы в погонах? Аллю, главный комп, видишь новое устройство в организме? Приказываю его деактивировать и вывести. Но только когда выберемся из бункера!»

«Ответ отрицательный, – ответил главный имплант. – Новых имплантированных устройств не обнаружено».

– Не понял, – пробормотал Леший, усаживаясь на армейскую койку в своем кубрике. – Проверь еще раз, должны быть! Дополнительный комп, помогай этому лентяю.

«Ответ отрицательный. Новых имплантированных устройств не обнаружено».

– Вот заладили, – Леший поморщился. – Ничего, найдется. Ставлю вам задачу, компьютеры, найти, нейтрализовать и вывести из организма новый имплант в течение суток. Задание понятно?

«Задание понятно, начинаем расширенный поиск. Производительность обоих процессоров будет снижена на тридцать процентов».

– Семьдесят от одного, семьдесят от другого... нормально, – Леший кивнул. – И на ста сорока протянем. Предупреждаю, не найдете, выполню контракт, откинусь и сразу же пойду к Механику. Потребую заменить вас новыми имплантами. На этом ваша никчемная деятельность и закончится. Ясно?

«Угроза физического уничтожения, в случае невыполнения поставленной задачи, принята к сведению», – бесстрастно ответил первый имплант.

– А второй почему молчит? – Леший снова усмехнулся.

«Второй анализирует информацию, – ответил имплант старого сталкера. – Что-то здесь не так».

– Какой неожиданный вывод, – Леший вновь усмехнулся, поднялся с койки и заглянул в тесную душевую кабину. – Ладно, думай, мыслитель. Время есть. А я пока приведу себя в порядок. Серой провонял в той расщелине, самому тошно себя нюхать.

2. Зона, локация Москва, 01.04.2058 г.

Есть такая поговорка: «Кому война, а кому мать родна». К деятельности некоторых личностей в Зоне Смерти эта поговорка подходит по всем пунктам. Личности эти зарабатывают на всем, от махинаций с продовольствием и оружием до торговли людьми, заказных убийств, содержания притонов, примитивного рэкета и еще много чего, о чем просто отвратительно упоминать. С точки зрения цивилизованного европейца, методы получения прибыли этими личностями просто недопустимы и подлежат самому суровому осуждению.

Будь Черный Лис сторонним наблюдателем, он, возможно, именно так и поступал бы. Сурово осуждал бы этих «негодяев» за их незаконные делишки. Но европейский бизнесмен (как значилось в официальных документах) Франсуа Делен, он же подпольный делец по прозвищу Черный Лис, как раз и являлся одной из этих темных личностей.

В структуре Организации, контролирующей все вышеперечисленное и еще многое другое, что творилось в Зоне, Черный Лис занимал третью сверху ступень. Выше него стояли только двое: босс мафиозного синдиката, как раз «ответственный» за работоторговлю, рэкет и другие криминальные дела, и собственно глава Организации. Шеф, как его называли подчиненные. Или «ноль первый». Этот человек заправлял вообще всем, хотя в последнее время ослабил хватку и сосредоточился на главном направлении, взял под личный контроль вопросы добычи, хранения и транспортировки на Большую землю одного очень полезного и дорогого ископаемого, которое водилось исключительно в локациях Зоны Смерти и нигде больше.

Кстати сказать, взяв проект под личный контроль, «ноль первый» фактически оставил Черного Лиса без дела, ведь прежде всеми перспективными разработками занимался именно он, «ноль третий».

Лису крайне не нравилось чувствовать себя выброшенной на берег рыбой, отставшим от поезда пассажиром, никчемной фишкой, которую вывели из игры и бросили крупье «на чай», но протестовать он не спешил. Не пришло время. Сейчас «ноль третий» находился в положении провинившегося. Он фактически провалил две подряд крупные операции и вполне заслуженно нес за это наказание.

«Ноль первый» прекрасно понимал, что Черный Лис виновен в провале операций лишь отчасти, что обстоятельства оказались выше возможностей «ноль третьего», что это все проклятая черная полоса, когда-нибудь она непременно закончится и Лис сумеет реабилитироваться... Все эти аргументы шеф принял, даже посочувствовал помощнику, но от дел его все-таки временно отстранил. До наступления светлой полосы.

Поначалу Лис обижался, но вскоре взял себя в руки и утешился тем фактом, что отстранил его шеф временно. А ведь мог вовсе вышвырнуть на помойку. Третий ты человек в иерархии или шестнадцатый, для «ноль первого» не имело значения. Для него человеком был только он сам, а все остальные были теми самыми фишками.

Начал игру, сделал ставки, выиграл – сжал фишку в кулаке, встряхнул радостно. Проиграл – бросил ее небрежно на стол. А то и вовсе зашвырнул куда подальше. И не важно, что чувствует тот, кем «ноль первый» сыграл эту партию. Он ведь для шефа не человек. Фишка.

В общем, обижаться на судьбу Черный Лис мог сколько угодно, но на шефа – ни в коем случае. Он даже имел полное право подавлять в себе желание придушить этого самовлюбленного мерзавца (что постоянно и делал), а обижаться – нет.

Да и на судьбу грех было обижаться. Ведь из всех вариантов падения с небес на землю она предоставила Лису самый комфортный. Временное отстранение от дел, но не от кормушки. Черный Лис вполне мог вести свои мелкие дела, никто не запрещал. Да и готовить почву на будущее сподручнее, когда никто не нагружает дополнительными заданиями.

Обо всем этом Черный Лис размышлял, пока шел к себе в кабинет, где с минуты на минуту должен был появиться «ноль второй», то есть босс мафии, а в миру – Виктор Андреевич Ущицкий, тоже как бы бизнесмен.

Босс якобы решил заглянуть к месье Делену на чашку кофе. На самом деле у «ноль второго» появилось какое-то интересное предложение, о чем он прозрачно намекнул в коротком разговоре по м-связи.

Что ж, отказываться от свежей информации Черный Лис не стал. Предложение, конечно, будет никчемным, генератор идей из мафиозного босса обычно получался посредственный. Но любая идея, даже слабая, имеет информационный шлейф. И отстраненного от основных событий Черного Лиса в первую очередь интересовал именно этот шлейф.

Единственное, что его немного напрягало, так это таинственность в голосе босса. Если этот бритоголовый мясник начнет предлагать дельце, о котором не ведает шеф... а он вполне способен выкинуть и такой фортель... придется слишком долго плести словесные кружева, выкручиваясь из щекотливой ситуации. Задача посильная, но очень уж утомительная.

Нелегко это – стелить соломку сразу под двумя стульями. Чтобы, когда упадешь, было мягко везде. Мафиозному боссу все равно, он толстокожий, да и под его стулом, образно выражаясь, всегда полно тюфяков с хабаром. Шутка ли, вся мафия под его началом, все нелегальные предприятия, вся дань с бизнеса к нему стекается. Ему «ноль первый» простит что угодно, кроме откровенного предательства. А вот Лис, если ввяжется в какую-нибудь авантюру «ноль второго» без ведома шефа, в случае неудачи может так рухнуть со своего стула, что отобьет себе все бока. А то и вовсе свернет шею.

В общем, предстоящий разговор хоть и распалял любопытство Лиса, но в то же время и внушал определенные опасения. Поэтому Лис шел не спеша, морально готовясь к непростому разговору.

– А я тут коньячком размялся, – заявил босс мафии, когда Лис вошел в кабинет.

Гость бесцеремонно занял кресло хозяина кабинета и выгрузил на стол из бара весь прятанный Лисом запас дорогих коньяков. Размялся, судя по количеству откупоренных бутылок, босс основательно. Снял пробу как минимум с пяти коллекционных экземпляров.

– Приветствую, Виктор Андреевич, – Черный Лис с откровенным сожалением взглянул на початую бутылку «Хеннесси» полувековой выдержки. Ее «ноль третий» берег для особого случая, надеялся сохранить до того момента, когда займет место... впрочем, теперь не важно. Умерла, так умерла.

– Вот этот ничего, – Ущицкий постучал пальцем по горлышку бутылки «Курвуазье». – А этот – шмурдяк.

Он отодвинул бутылку с этикеткой еще одного вполне уважаемого бренда.

– Может, контрафактный, из ваших поставок? – Лис пожал плечами и уселся в гостевое кресло.

– Ты что, на Обочине его купил? Или Упырь тебе его сосватал? У Кривого не мог заказать?

– Подарил кто-то. Не помню кто. Не важно.

– Вспомнишь, сообщи, – потребовал босс. – Накажу мерзавца.

– Бог с ним, – Лис махнул рукой. – Давайте лучше к делу.

– Спешешь куда-то? – спросил Виктор Андреевич расслабленно, явно демонстрируя, что теперь так просто его из кабинета не выкурить. – Вечно вы, западные, спешите. Ни посидеть с вами, ни выпить, ни поговорить. Не компанейские вы люди, черствые. Смотрю иногда и удивляюсь, почему железо у нас взбунтовалось, почему не в Европе или в Пиндостане? У вас ведь его больше, и вы сами для этого сраного техноса просто питательная среда, наваристый бульон, сводные братья, такие же механизмы бездушные, только с потрохами. У вас с биомехами полная любовь и взаимопонимание могли получиться. Выпей со мной, французик.

– Я воздержусь.

– Чего?! Французский коньяк не хочешь пить? Не патриот, что ли? Или брезгуешь мне компанию составить? Не уважаешь, да?!

– Я... – Черный Лис недовольно поморщился. Этот славянский натиск всегда ставил его в тупик. В такие минуты он особенно четко понимал, почему западная культура не сумела укорениться на этих землях и почему ни одна западная армия не задержалась здесь надолго. Более того, почему все эти культуры и армии непременно получали от местных жителей колени под зад. – Конечно, выпью немного.

– Другое дело, – босс налил в пузатый бокал три стандартных порции и подвинул бокал Лису. Себе он плеснул еще щедрее. – Твое здоровье, Европа.

– И ваше, – Лис пригубил коньяк. – Так о чем вы хотели...

– И куда вы столько ванилина сыплете?! – Виктор Андреевич замахнул свою дозу залпом и поморщился. – Нет, армянский лучше. Даже молдавский лучше. Чего ты спросил?

– Я о деле...

– А-а, – босс вынул из кармана сигару и откинулся на спинку кресла. – Да, дело. Дело важнее всего. Коньяк не в счет. Короче, такая тема, Лис. Ты наверняка в курсе, какой проект сейчас курирует лично шеф?

– Что-то связанное с добычей энерговещества, – не стал вилять Лис.

– Ну да, энерговещества, – Виктор Андреевич кивнул. – Источника энергии для всех наших головняков. Для биомехов то есть и скоргов. Яйцеголовые ему название недавно придумали – «скоргиум».

– Незатейливо.

– А по-моему, красиво. Так вот, тема на самом деле толковая, но непростая. Знаешь, почему или рассказать?

– Энерговещество... скоргиум теряет свои свойства, если не находится под постоянным давлением. Не в курсе, какая глубина залегания для него оптимальна, но точно знаю, что давление должно быть не меньше двадцати атмосфер.

– Точно, двадцать атмосфер, – Ушицкий снова кивнул. – Но это проблема решаемая, не вопрос. Ученые уже придумали контейнеры для транспортировки скоргиума и даже изготовили несколько партий. В деле есть другая проблема, действительно серьезная. Где и как добывать эту хрень.

– Там, где она залегает, – Лис спрятал усмешку.

– Ты не умничай, да? – босс налил еще коньяку, теперь только себе. – Где залегает скоргиум, известно. Везде. Известно и где удобнее всего эту хрень добывать. Допустим, есть одна точка в Академе, где он лежит ближе к поверхности, чем обычно. Все это не секрет и не проблема. А вот как практически организовать его добычу, это проблема. Там, на глубине, и давление надо сохранить, и от скоргов отбиться, которые под землей хозяйничают так, что будь здоров. Можно со дна морского его добывать. В Финском заливе есть разломы, так там жилы вообще как на ладони. Казалось бы, ныряй и собирай открытым способом, но вопросы возникают те же. Нырнуть нырнешь, да кто тебе даст вынырнуть? Гидроботы мигом сожрут и не подавятся.

– Техника нужна специальная, профессиональный персонал...

– Ежу понятно, что техника и персонал! Да где их взять? Думаешь, нормальные специалисты полезут в Зону? А среди местной голытьбы толковых шахтеров не найдешь.

– Можно пообещать побольше денег.

– Не юродствуй, французик. Неужто мы мало предлагаем? У меня такие бабки даже бригады не получают. А толку ноль. В Донецке для работы в Старой Зоне кое-как набрали артель, да только вся она в первую же смену и сгинула. Сожрали скорги всех шахтеров подчистую. Ни скафандры не помогли, ни охрана, ни защита продвинутая. Чтoб добро не пропа-

дать, мы из сталкеров вторую артель сколотили. Эти две смены продержались, но все равно без результата. Что-то там напортачили, технику пожгли, давление не удержали, а потом и вовсе что-то там взорвалось и всех завалило. Что смогли, откопали, а половину так под землей и оставили, скоргам на радость.

– Половину техники?

– Ну, а чего еще? Сталкеров, что ли? Этих всех там закопали, даже тех, которые поначалу выбрались. Короче, пока успехами похвастаться не можем. Одно утешает, конкуренты пока тоже сосут лапу, у всех примерно такая же ситуация. Задор есть, технику вроде бы закупили, а кадров нет, и не предвидится. По Большой земле быстро слухи расползлись, что в Зоне копать бесполезно, только могилу себе выкопаешь.

– А роботов использовать не пробовали?

– Пробовали. «Перевербовали» всех скорги. Никакой активный пластик не уберег.

– Да уж, задачка, – Лис задумчиво потер подбородок. – Живых заваливает, механизмы дезертируют, третьего не дано.

– А куш сорвать хочется, – подытожил босс мафии. – И что делать?

– Думать, – Лис развел руками. – Вот так, с ходу ничего другого предложить не могу.

– Думать, – Виктор Андреевич скептически хмыкнул, макнул кончик сигары в коньяк, а затем принялся ее раскуривать.

Пауза возникла непродолжительная, но этого времени Лису хватило, чтобы осмыслить выданную боссом информацию и сделать главный вывод. Получалось, что «ноль первый» решил сменить гнев на милость, раз подослал Виктора Андреевича к Лису за советом. Теперь Лис не сомневался, что «ноль второй» пришел не по собственной инициативе.

– А кто конкуренты? – спросил Лис, скорее, чтобы не затягивать паузу, а не потому, что не знал ответа.

– Как обычно. Орден, Ковчег, военные.

– И никто ничего пока не добыл, – задумчиво пробормотал Лис. – Интересно, интересно...

Босс мафии незаметно усмехнулся и принялся раскуривать сигару с удвоенным рвением. Вскоре между собеседниками повисло плотное облако дыма, и Виктор Андреевич позволил себе ухмыльнуться уже от души. Лис все это заметил, но как интерпретировать ухмылочки Ушицкого, пока для себя не решил. Возможно, босс не верил, что «французик» за какие-то пять минут мозгового штурма найдет решение проблемы, а возможно, он просто чего-то ждал. Допустим, ждал, что Лис придет к какому-то выводу и неосторожно его озвучит. Или же он добивался чего-то еще, гадать можно вечно. Поэтому Лис отбросил посторонние мысли и вернулся к первоначальной теме.

И как только он к ней вернулся, на него снизошло озарение. Решение проблемы представлялось очевидным, как рекомендация «забивать гвоздь молотком». Скорее всего, Виктор Андреевич именно этого озарения и ждал от Лиса.

– DRG? – проронил Лис и уставился на мафиозного босса.

– Ну вот, дошло, – Виктор Андреевич вдруг сделался совершенно трезвым, затушил сигару и подался вперед, почти улегся животом на стол. – А теперь, Франсуа, слушай, что происходит на самом деле...

Когда в последний раз босс называл Лиса по имени, «ноль третий» и не помнил. Скорее всего, никогда. Значит, дело намечалось действительно серьезное. И вовсе не с подачи «ноль первого», в этом Лис ошибся.

То есть дело пахло заговором. Пока душок доносился слабый, едва уловимый. Но он имелся, и это все меняло.

Черный Лис на несколько секунд крепко задумался, затем решился и кивнул. Выслушать – не предать. Сначала выслушать, а там будет видно.

– Слушаю.

– Я тебе красиво все изложил, согласись, – Виктор Андреевич понизил голос и начал говорить монотонно, будто бы опасаясь, что слишком сильные модуляции помешают ему доходчиво изложить мысли.

Теперь он вел себя более естественно, чем прежде. Не изображал поднявшегося на криминальных делах барыгу, а был собой: холодным, расчетливым и неглупым негодяем. Паханом. Вором в законе.

Лису от такого перевоплощения собеседника стало и вовсе не по себе. Только теперь он понял, во что на самом деле ввязывается. Но отступить было поздно.

– Согласен, – голос Лиса предательски дрогнул.

– Ну вот, теперь слушай, что в этом деле некрасиво получается. Про геологоразведчиков Ордена и Ковчега все чистая правда. Ковыряются, добывают породу, но без толку. Вояки вообще на нуле. Не конкуренты, короче, пока. Но это ведь пока. Я шефу так и сказал по наивности своей. Время, говорю, уходит. Хантер с Хистером сейчас на мели, людей мало, с деньгами проблемы, но государевы-то людишки стабильно финансируются. Отстанем, замаемся догонять. Чего ждем, говорю? Шахтеров нет, но геологоразведчики у нас есть, чего же они волынят? Пусть работают, мы им деньги за это платим. Нельзя тупо прорыть шахту, давайте искать удобные точки доступа. Где скоргов поменьше, руда поближе. Ну, ты понимаешь.

– Но конкуренты этим и занимаются...

– Ага, а толку ноль, я помню, что говорил. Да только шеф не отреагировал, понимаешь?

– Не понимаю.

– Вот и я не понял, французик, – Виктор Андреевич добавил к своей пламенной, почти уже страстной речи характерную для определенных кругов жестикуляцию. – Вообще не понял. Век воли не видать, как на духу тебе признаюсь. Какая-то муть поперла, улавливаешь? Ну, думаю, шеф, похоже, за лохов нас держит! Не верю, конечно, сам себе, ошибочка вышла, думаю. Разбежались. Я, типа, по делам метнулся в Старую Зону, там людей подтянул, поспрашивал, что да как? А мне, прикинь, «все нормально», отвечают, «видели, слышали, знаем...»

– Я, кажется, теряю нить, – признался Черный Лис. – О чем слышали, что знают? Кто?

– Люди, французик, люди! – Виктор Андреевич перешел на громкий шепот, но при этом он иногда этак «доверительно» возвращался на негромкий чуть гнусавый баритон. Артист, да и только. – Они все видят, слышат, знают, их не проведешь! После того, как мы дважды прокололись, я-то думал, амба, закрыли тему. А оно вон как обернулось. Вернулись в Зону шахтеры, да. Только не те, которых лично я нанимал. Или хотя бы которых видел, о которых знаю. Об этих шахтерах вообще никто ничего не знает. Понял, да?

– Кроме шефа?

– Вот! – босс ухватил Лиса за руку. – Вот оно, французик! Угадай, из кого состоит эта его новая личная артель?

– Теряюсь в догадках.

– Бригадиры жженые, все, как один, понял? Мнемотехники и джинны. Соображаешь, к чему идет?

– Пока нет.

– Жженые рулят большим отрядом сталтехов!

– DRG?!

– Точно, Лис. Все сталтехи клейменные. Все из лабораторий Организации.

– Идеальный вариант, – Лис покачал головой. – Не живые, не мертвые, не механизмы и не люди. Очевидное решение проблемы. Только контролировать их трудно.

– Жженые для того и бригадирами у них. Сидят в верхней части шахты, в специальной машине и мысленно рулят этой получеловечиной. А сталтехи и рады стараться, роют.

– И насколько успешно?

– Слухи пока, – Виктор Андреевич поумерил пыл, чуть отодвинулся и повысил голос до нормальной средней громкости. – Но слухи на голом месте не рождаются. Шепчется народ, что артель эта гораздо ближе к успеху, чем Орден, Ковчег и военные, поскольку не ищет удобные точки доступа к залежам скоргиума, а тупо роет землю. С использованием самых передовых технологий. Понял, да? Шеф новую партию техники подтянул, и техника эта еще круче, чем была. Там такая тема: чтобы давление держать во всей шахте, машина, в которой мнемотехники дежурят, выход наверх тупо зарывает.

– Это как?

– А так. Нет связи с поверхностью у шахтеров. В замкнутом цикле работают. Полная автономка. Оно так и с точки зрения безопасности надежнее.

– И как же они выйдут?

– Пробурят себе выход, – босс пожал плечами. – Или сверху к ним кто-то должен будет пробиться. Но это когда они доберутся до скоргиума, добудут партию, упакут ее в стабилизирующие контейнеры и так далее, короче, когда партия будет готова к отправке на склад. Только не на мой или твой, в смысле не на склад Организации, а в личные закрома нашего шефа. Понял, какой расклад?

– А после этого сталтехи снова завалят выход и будут добывать энерговещество дальше, пока не наберут новую промышленную партию?

– Вот, – босс кивнул. – Понял теперь, какое кидалово?

– Это только слухи.

– Это слухи из надежных источников, – спокойно возразил босс. – Все в деталях запро-токолировано, хоть прокурору сдавай.

– Не знаю, – Лис с сомнением покачал головой. – Хорошо, допустим, находится вся эта артель в автономном «подземном плавании». Жженые в «подземной лодке» сидят. Но сталтехи ведь не полная мертвечина, их не волнует давление и не трогают скорги, но дышать они должны. Столько кислорода не запасешь, и газ надо отводить, в любой шахте его полно.

– У них запасов кислорода на год и регенерирующей аппаратуры на десять, я точно знаю! – снова приглушенно загнусавил «ноль второй». – Шеф в космическом агентстве кого-то купил, ему крупную партию всякой марсианской аппаратуры подкинули. А газ и прочую дрянь они отводят в специальные штольни. Трубы протянули, клапанов навтыкали, и всю эту шлюзовую систему на дно горячих расщелин вывели. Знаешь, там вокруг Копачей целая сеть оврагов с кипящей дрянью на дне? Ну вот, туда и вывели. Клапаны давление держат, газ выпускают, он там, в оврагах, горит себе или булькает, уж не знаю, и все шито-крыто. Понял, да?

– Хорошо продумано. Дорого.

– А то! И что обидно, проникнуть в шахту по этим трубам нереально. А как было бы красиво накрыть всю эту артель! Здрасьте, не ждали? А вот вам плазменных гранат охалка забесплатно! Но не получится ничего, кто не сгорит в оврагах, задохнется, а не задохнется и в трубах не застрянет, того скорги сожрут. Со всех сторон шахта прикрыта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.